

ВЕРХОМ НА ЗВЕЗДЕ

ПАВЕЛ
АНТИПОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Павел Антипов
Верхом на звезде
Серия «Длинный список 2020 года
Премии «Электронная буква»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44782827
SelfPub;*

Аннотация

Вторая книга Павла Антипова – это крепко сбитый, выдержанный роман, который сочетает необычную художественную рефлексию и минималистическую недосказанность. Оригинальная, полная юмора и ностальгии автобиография, где главным сюжетом является не то, о чем пишет автор, а то, как он это делает. Минск этого романа нестабилен, он мерцает во времени, новостройки рушатся, уступая тому городу, что стоял на их месте, и иногда возникает то, чего никогда не было. В этом просвечивающем, ненадежном Минске живёт компания непутевых молодых людей, которым на краткие мгновения удается жить настоящей жизнью.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	9
5	12
6	16
7	21
8	25
9	28
10	33
11	39
12	40
13	44
14	48
15	52
16	56
17	61
18	66
19	69
20	73
21	76
22	77
23	80

24	85
25	86
26	88
27	90
28	95
29	98
30	99
31	101
32	103
33	106
34	110
35	111
36	113
37	114

1

Этой зимой я часто просыпаюсь по ночам. Я поставил кровать напротив окна, поэтому, открыв глаза, сразу вижу ветки деревьев под толстым слоем снега, за ними – пятиэтажку, а дальше – высокую трубу котельной. Труба помещается в окно целиком. Мне виден венок красных огней на верхушке и густой белый дым на фоне чёрного неба. Сегодня он стелется влево.

На улице очень холодно, и в тишине хорошо слышен гул – это в котельной кипит вода. Кипяток течёт по трубам, наполняя батареи в квартирах соседних домов, большинство из которых – хрущёвки.

2

Мне 32 года, а я до сих пор не написал роман. Последние лет десять во мне живёт мысль, что я обязан это сделать. Конечно, я начинал с рассказов, напечатал даже небольшую книжку, но всё это не то, не то. Я устраивался на работы, увольнялся, поучился в институте для писателей, снова шёл работать, чтобы уволиться окончательно – ведь работы мешают писать.

Сначала я себя успокаивал. Спокойно, говорил я, спокойно, вполне возможно, ты как Илья Муромец – этот герой с детства оправдывал моё существование. Жизнь, что текла мимо меня, учила: нужен положительный результат – чем скорее, тем лучше. И множество людей, которых я знал, этого результата добивались. Это меня сильно расстраивало. Единственным оправданием мне был Илья Муромец, который до 33 лежал на печи. Зато уж как встал! Но мне уже 32, и пора либо написать роман, либо найти в сказках другой персонаж.

Я сам не люблю все эти книги юных графоманов, куда излит весь небогатый опыт автора, все эти слёзы и сопли о своей трудной жизни. Надо было организовать всё как-то иначе. Нет, слёзы, сопли и трудную жизнь можно взять реальную, но сюжет и героев нужно преобразовать, перепридумать. И вот я составлял план и писал по инструкции карточки геро-

ев, в какой-то момент начинало казаться, что текст живёт своей жизнью. Обрадованный, я оставлял его вылежаться, а через месяц обнаруживал мёртвого уродца.

Таких попыток у меня было две или три. Параллельно я перечитывал школьную программу. Вспомнил про гегельянство и нигилизм. Пришлось заглянуть в философию. Где-то у немцев была мысль о том, что, познавая мир, я привношу в него себя. А с текстом разве иначе, подумал я? Какая разница, преобразовываю ли я жизнь или нет, всё равно это моя жизнь – не выскоблишь. А раз нет разницы, то не буду ничего перепридумывать.

3

И ещё одна вещь. Я считаю, что роман может быть написан только из сильнейшей внутренней необходимости. То есть его нельзя писать потому, что хочешь написать роман. Но я так сильно хочу его написать, что это превращается в сильнейшую внутреннюю необходимость.

4

Я перечитываю старые редакции и ловлю интересное совпадение. Тогда я тоже начинал с вида из окна. Поселил главного героя в мою комнату и разбудил его в день, когда должно было произойти множество событий. Герой впервые за много лет остался один и мечтал, что это начало его спокойной жизни. Спокойствие, по моему плану, должны были передавать бутафорские деревья с недавно вылупившейся листвой, отсутствие ветра, что было заметно по веткам, и какая-то птица, летящая, как разорванный чёрный пакет. На самом же деле это я – автор сидел напротив окна и старательно срисовывал вышеописанную картинку.

История моей семьи началась в этой же комнате. Мама встречалась с другим художником, который привёл и познакомил её со своим будущим соперником. Папа переводил дух после очередной пирушки, которые тут не прекращались; кровать его стояла в тёмном углу. Мама жила в общезитии через дорогу. Какое-то время спустя мои будущие родители расписались безо всякой свадьбы.

Мама говорит, у неё были ещё поклонники. Говорит, был один гитарист, всё думал, что мама выходит из-за квартиры. Но мама выходила по любви. Любовь я не застал, приходится верить на слово.

Родился я, потом Шурик, и гораздо позже Колька.

Папа наблюдал за этим удивлённо и беспомощно. Ему очевидно не подходила роль главы семейства. Он часто уходил к себе в мастерскую, где пропивал свои гонорары. После запоев возвращался и ссорился с мамой. Мы с братьями, естественно, никогда не были на его стороне. Может, только Колька, которому папа изредка приносил шоколадки.

По вечерам к нам с Шуриком приходили друзья. Мы занимали всё пространство маленькой комнаты. Там стояла двухъярусная кровать. Вадим, Лёха и Костя сидели на нижнем ярусе, ноги Андрея, Дубы и Шурика свисали с верхнего, напротив стоял стул, на котором сидел я, и пианино – к нему прислонился Женька. Во всей этой тесноте крутился и лазил по нашим головам первоклассник Колька. Мама в это время либо читала, либо готовила еду. Не дай бог было папе прийти в такой момент. Он заходил неряшливо одетый, как-то резко похудевший, только живот всё ещё переливался через край ремня.

– Павлик, ты не выбрасывал мою ветошь? – спрашивал он.

– Что-о? – грубо тянул я.

– А что ты мне купил? – подбегал к нему радостный Колька.

– Ну ладно, сидите-сидите, – бормотал папа, совался на пару минут в кухню, после чего убегал из квартиры.

Вся мамина зарплата уходила на еду. Она, наверное, что-то одалживала, или не знаю, как она выкручивалась. Дома было шаром покати. И вот папа, оказывается, скопил себе

на дачу.

Вскоре у папы забрали мастерскую, и если бы не дача, то я на его месте сошёл бы с ума. Впрочем, я сошёл бы с ума и на своём месте. Колька уже пошёл на скрипку и будил меня своими этюдами утром, а Шурик увлёкся гитарой и мешал заснуть вечером. В то время ещё раздавали бесплатные квартиры, и мы даже купили набор кастрюль. Казалось – вот-вот, но каждый раз мы пролетали. Тогда мама, устав от тесноты, решила вернуться в общежитие. Ей выделили блок: две комнаты и душевая с туалетом в небольшом коридоре.

Тем утром квартира была полностью моя. Папа был на даче, мама с Колькой и Шуриком просыпались в общежитии, а в Лёхино ухо заполз таракан.

Лёха жил в соседней хрущёвке. Его мать была фотографом, но там перестали платить, и она пошла работать в ларёк на Комаровке. Эти фанерные киоски заполнили все свободные места на рынке и выплеснулись чуть не до метро. В них продавалось всё: от китайской лапши до бытовой техники. Заработки у продавцов были хорошие, и вскоре Елена Викторовна смогла позволить себе и лапшу, и бытовую технику. Насыщение материальных потребностей обнаружило потребности духовные. Лёхина мать пошла в церковь. Тараканы приползли сразу, как в доме завелась еда. Священник окропил квартиру святой водой, но насекомых это не испугало. Тогда Елена Викторовна принесла из своего ларька какой-то токсичный карандаш и разрисовала им кухню. В результате тараканы перебрались в комнату, а один из них заполз в ухо к спящему Лёхе.

У меня зазвонил телефон.

– Пашка, я к тебе сейчас зайду, – объявил Лёха.

– погоди, я занят, – ляпнул я, быстро соображая, чем отговориться. Я мог быть занят переездом. Точно. Мне нужно помочь маме перенести вещи. Так и скажу.

– Отложи все занятия, твой друг попал в беду, – у Лёхи была склонность говорить выпренне. Он тоннами читал фэнтези и даже начал одно писать. В прототипы главных героев он выбрал себя и Шурика.

– Что ещё за беда? – насторожился я.

– У меня таракан в ухе.

– Вот козёл.

– Полегче с выражениями – он тебя хорошо слышит.

Выбора у меня не было. Я попросил Лёху захватить с собой пылесос.

– Ты ж у меня все мозги высосешь.

На это я заметил, что высасывать у Лёхи нечего, а вот пропылесосить мне не помешает. После разговора я со злостью выдернул провод из телефонной розетки. Розетки как таковой не было, провод был вкручен в круглый распределитель на стене. В случае чего только я мог всё исправить.

Следующий кадр. Я открываю дверь. Передо мной стоит Лёха с пылесосом и Шурик. Шурик собирался забрать гитару, но теперь, конечно, не отказался бы посмотреть на таракана из Лёхиной головы.

– Вот, брата тебе привёл, чтобы ты не скучал, – у Лёхи-то братьев не было. Ни одного.

– Тепло на улице? – спросил я автоматически.

– Ещё как! Даже ваши сумасшедшие соседи на лавочки выползли.

Сумасшедшие соседи – это глуховатый дед и толстая баб-

ка в красном берете. Бабка жила слева от меня, дед – справа. В тёплые дни они занимали противоположные скамейки у подъезда и делали замечания по поводу происходящего.

– ...! Слыхали? – орала бабка.

На что дед кивал головой. У него, кстати, тоже был головной убор – белая кепка.

– Как будем таракана доставать? – спросил я.

– Лучше всего пылесосом, – предложил Шурик.

– Лёха за мозги боится.

– Так я аккуратно. Ложись, Лёха, – Шурик уложил его на кровать и долго всматривался в уху.

Я начал наигрывать на пианино похоронный марш.

– А ты уверен, что там кто-то есть? – спросил Шурик.

– Знаешь, как топает! Пашка, прекрати!

Шурик включил пылесос, а я стал играть ещё громче.

Когда казалось, что шум составляет такой плотный поток, куда уже не сможет влиться ни один звук, раздался стук в дверь. Стучали так, что тряслись стёкла. Это вряд ли были недовольные соседи – по словам Лёхи, они сидели на улице. Скорее всего, кто-то из нашей компании: или Костя, или Андрей, или Женька, или Вадим. Любой из них, кроме Дубы, который уже полгода был в армии. Мы ездили к нему зимой на присягу. Было очень холодно. Клятвы о верности народу превращались в густой пар и летели в небо. Дуба сжимал в руках автомат. По его лицу было видно, что он не на своём месте.

Потом он писал нам письма в шуточной форме от солдата космической станции, по которым всё равно было понятно, что ему очень плохо. Он звал нас в гости каждые выходные – его часть была в двух остановках от Минска, и туда ходил городской автобус, но мы отчего-то постоянно переносили поездку.

«Надо бы съездить, действительно, а то что мы за друзья такие», – подумал я и открыл дверь. На лестничной клетке стоял милиционер.

Это случилось тогда, когда Шурик познакомился с гитаристом из Бельгии. Где? В парикмахерской.

Крис Мартин – так звали гитариста. Ему было немного за пятьдесят, и рот у него был точь-в-точь как у Мика Джаггера. Крис очутился в Минске благодаря девушке Кате. Раньше Катя была простой минской парикмахершей, но, познакомившись в интернете с Крисом, стала его женой. С парикмахерским трудом и Минском было покончено, но она приезжала, чтобы проведать родителей и подруг с бывшей работы.

В тот день – кажется, это было в октябре – Крис и Катя вошли в парикмахерскую «Рагнеда», что недалеко от Немиги, и направились к гардеробу. Молодой гардеробщик вместо того, чтобы расторопно принять у них верхнюю одежду, наигрывал что-то на неподключённой гитаре.

Это был Шурик.

Бывшие одноклассники Шурик и Дуба работали тогда в гардеробе «Рагнеды». Протекцию им составил Дубин отец, у которого везде были связи. Шурик и Дуба тогда только что завалили вступительные экзамены. И если у Дубы интриги не было – он получил «два» уже на первом испытании, и я даже не помню, куда он поступал, то за Шуриком вся наша компания следила с большим интересом. Для того что-

бы попасть в музыкальное училище, нужно было сдать четыре экзамена: хорошо сыграть на гитаре – за это волноваться не приходилось, Шурику сразу же поставили 5; показать свои знания в музыкальной теории, которой Шурик не знал, потому что никогда не ходил в музыкальную школу, но тут ему повезло, и он чудом то ли списал, то ли и правда расставил ноты в правильном порядке и с нужными паузами – получил 3; кое-как разобрался с белорусской литературой – «ад прадзедаў спакон вякоў»; оставалось написать диктант. От Дубы я знал такой эпизод, произошедший с Шуриком на уроке русского. На доске надо было записать пару предложений под диктовку. Какая-то там пейзажная сцена. Одуревший от безделья и трёх месяцев охоты писатель из дворян окинул вдруг поля, луга и прослезился, увидев лося: «Высокий и горбоносый, он втягивал воздух крупными ноздрями...» и проч. И вот эти два слова – «высокий и горбоносый» – Шурик пишет как «высокий Игорь Боносый». Так у него получалось с любыми словосочетаниями, из трёх слов он делал одно, из одного – три, в результате, диктант написал на «два».

Шурик работал во вторую смену, как-то он убедил Дубу, что не может рано вставать. Первые дни он грустно смотрел на входную дверь и опирался на перегородку, которая отделяла его от посетителей. Вскоре перегородка сломалась. Тогда Шурик стал брать с собой гитару.

Крис Мартин отправил жену стричься, а сам заинтересо-

вался гардеробщиком-гитаристом. Разговор с ломаных английского и французского быстро перешёл на язык музыки. Но перед этим они обменялись именами и пожали друг другу руки. Крис что-то спросил, и в вопросе его, Шурик мог поручиться, прозвучали названия групп «Битлз», «Пинк Флойд» и «Дип Папл». На что Шурик ответил рифом из «Смоук он зе уота»: тум-тум-тууум, тум-тум-ту-дууум... Крис вскрикнул и принялся хлопать в такт. Потом попросил гитару и очень технично отыграл длинную лирическую композицию. «Итс фо Катся», – тихо сказал Крис. Шурик, чтобы показать, что тоже владеет какой-никакой техникой, сыграл «Тендер Сёррендер» Стива Вая, за которую получил на экзамене пятёрку. Мартин отсчитывал слабые доли ногами, а руками стучал по сломанной гардеробной перегородке. На шум выбежали парикмахерши, клиенты, Катя. Крис Мартин ко всеобщему удовольствию сыграл ещё несколько песен для Катси, и закончил посвящением Катиной маме, у которой они жили на улице Матусевича. «О эта дивная улица, – шептал по-английски Крис, тихо перебирая струны, – дивная улица с дивным названием: “Matusevitcha”». Последний слог с таким импортным придыханием: «тчхаа».

Когда гости ушли, Шурик нашёл под вешалками такой толстый кошелёк. Открыл. С водительского удостоверения на него глядел губастый Мик Джаггер из Бельгии. Кроме удостоверения там были ещё пластиковые карточки, какое-то количество белорусских рублей и гораздо больше ев-

ро – хватило бы на новую гитару, рассказывал Шурик. Он отнёс находку администраторше. Созвонились с молодожёнами, те быстренько вернулись. Бельгиец пересчитал деньги и с криком «Ай лав Беларусь» хлопнул Шурика по плечу. «Ну всё, сейчас денег даст», – подумал Шурик. Но вместо этого Крис Мартин сбегал за шампанским и цветами. Цветы поделили между женским персоналом, шампанское стали пить. Крис снова играл песни фо Катся, захмелевшие парикмахерши, а вместе с ними и Шурик нестройно подпевали. Вскоре Шурик вспомнил, что опаздывает на очередной урок сольфеджио у Маевского, извинился, засобирался. Крис сказал, что хочет сделать ему подарок и протянул какой-то пакетик. Катя перевела, что если у Шурика когда-нибудь будет ответственный концерт, то, чтобы согреть руки, этот пакетик нужно встряхнуть, так делают музыканты в Бельгии. Шурик поблагодарил, оставил им гитару и выбежал из парикмахерской, надевая на ходу свою куртку.

Однако, добежав до остановки, он обнаружил в кармане кошелёк, открыл и снова увидел лицо Мика Джаггера. В другом кармане были ключи от машины. Сообразив, что надел куртку Криса Мартина, Шурик побежал обратно. В парикмахерской её уже обыскали. Крис Мартин буквально на шею бросился к Шурику, уже изрядно выпивший, стал благодарить и заверять, что его дом для Шурика всегда открыт, даром, что за две тысячи километров, но всегда можно приехать. Шурик отвечал в том же духе, что если когда-нибудь,

мало ли что, Криса Мартина не примут на улице с дивным названием, то всегда можно остановиться у него, пусть запишет номер.

Милиционер на лестничной клетке – это был всё-таки Дуба. Он служил во внутренних войсках, вскоре он должен был патрулировать улицы, а перед этим дали увольнительную. Он звонил, но я не снимал трубку, звонка в дверь я тоже, оказывается, не слышал.

Очевидно, что люди, долго не видевшие своих друзей, должны радоваться. Но внутри себя я ощущал какое-то препятствие. Дубе было проще. Всё в этот день шло по его плану, и он не мог этому не радоваться. У меня же план был совершенно иной, и мне каждый час приходилось его корректировать. Сначала я намеревался побыть полным хозяином в квартире с утра до вечера – такого у меня не было никогда. Потом Лёха с тараканом исключил из этого плана утро. Но я надеялся, что, когда мы достанем насекомое, я выпровожу и Лёху, и Шурика, тогда у меня останется ещё день и вечер. Но когда я увидел на лестничной клетке Дубу, понял, что план мой неосуществим вовсе.

На лице я изображал радость, внутри же чувствовал себя неоднозначно. Лицемер, думал я. Хочу быть один, хочу, чтоб мои друзья испарились.

Дуба оказался специалистом по насекомым. Когда в армии такое случалось, то солдатам промывали ухо водой. И Дуба утащил сопротивляющегося Лёху в ванную. Всё про-

изошло очень быстро. И вот уже Лёха вытирал полотенцем голову, а Дуба пытался обзвонить недостающих здесь Вадима, Андрея и Костю.

– Пашка, у тебя с телефоном что-то, – сказал он.

– Правда? Давай посмотрим. Ну вот, видите, провод вырвали, – я с осуждением посмотрел на друзей. Шурик с гитарой, Лёха с полотенцем, Дуба с трубкой.

С большой неохотой я всё же включил телефон.

Вскоре подтянулись Вадим, Андрей, Костя и Женька. Женька раздобыл где-то цифровой фотоаппарат и теперь всё фотографировал.

Когда начали считать, у кого сколько денег, я не выдержал:

– Давайте вы все пойдёте на улицу или к Лёхе, пока его мама не вернулась из ларька. Я присоединюсь к вам вечером, а сейчас посмотрите, сколько у меня дел: нужно перенести полки, книги, холодильник, микроволновку, распилить двухъярусную кровать и отнести половину в общагу, чтоб Шурику было где спать.

Меня так никто и не понял. Все выразили готовность помочь, чтобы и правда освободить в квартире место, так всем будет гораздо удобнее.

Вот кому было нескучно на протяжении следующих пары часов, так это обладателям белой кепки и красного берета. Они смотрели на нас и на то, что мы носили. Они озвучивали происходящее, создавая как бы вторую реальность – сло-

весную, нематериальную. И одна реальность была идентична другой.

– Полки несут.

– И откуда столько книг?

– Эй, парень, у тебя трусы упали, – орала бабка Лёхе, который тащил клубок одежды.

Лёха благодарил, наклонялся за шарфиком, и тут у него действительно вываливались трусы, которые подбирал Женька, потому что он всё равно только фотографировал.

Вадим с Андреем, не осторожничая, взялись за шкаф. Они толкали его коридором по направлению к двери, и шкаф оставлял на деревянном полу глубокие борозды. Впрочем, из-за того, что пол был давно не крашен и сильно облуплен, борозды его не портили. Когда я увидел, что шкаф чуть ли не сложился, то, не сдерживая себя, стал орать, чтоб Вадим с Андреем прекратили. Когда они прекратили, я полез на антресоли искать отвёртки, чтоб разобрать шкаф. На антресолях в беспорядке лежало много папиных вещей: обломки подрамников, обрывки холстов, кисточки, пыльный баян, который сколько-то лет назад принёс папин пьяный друг Кузя. Баян я аккуратно передал Вадиму, всё остальное просто сбрасывал на пол. Наконец нашёл набор отвёрток. Шкаф разобрали и перенесли по частям.

Дуба переоделся в штатское, которое отыскал тут же. Одежда у нас всех была общей, вращалась между нашими квартирами, и уже никто не помнил, что кому принадлежа-

ло. Это было удобно и создавало впечатление, что каждый раз ты надеваешь новую вещь, хотя вещам могло быть уже несколько лет. И я теперь точно не скажу вам, чьи на Дубе были штаны, чей ремень и чья майка с надписью «Born to be wild».

Переодетый Дуба пилил кровать, а Шурик развлекал его, играя на гитаре. Шурик вообще никак не помогал. Он говорил, что у него болит пятка, и мы над ним из-за этого подшучивали. Я подшучивал больше всех, а ещё считал его очень ленивым и хитрым. Когда мы ссорились, я орал, что он мог поумнее причину выдумать, хотя бы что болит живот. Пятка – звучало как-то нелепо. Потом окажется, что она действительно болела. И даже название у этой болезни есть. Сейчас не вспомню.

В какой-то момент у Кости на лбу появилась шишка: перенося микроволновку, он врезался в стеклянную перегородку возле общажных лифтов. Мама всё благодарила и благодарила. Наконец Лёха не выдержал и сказал:

– Марина Ивановна, перестаньте, вы, можно сказать, нас выкормили, и помогать вам – наша святая обязанность.

Вскоре квартира опустела, и стало заметно, что её давно не ремонтировали: облупившийся пол был весь в выщербинах, за унесённым шкафом обнаружили не только ободранные обои, но и отвалившийся кусок штукатурки.

8

Я стараюсь писать по утрам. Я решил, что денег на кофе у меня нет, поэтому завариваю чай и раскрываю этот файл. Сижу и думаю, как бы дописать всё, что происходило, и так, как это происходило.

– Могу ли я не писать? – спрашиваю себя.

– Пожалуй, что могу, – отвечаю.

– Стоило ли тогда уходить с работы?

– Почему ж нет? Зачем человечеству двуличный бухгалтер, который не считает себя бухгалтером, зачем ему хитрый журналист, который не считает, что он журналист? По-хорошему, мне надо приплачивать за то, что я не работаю ни бухгалтером, ни журналистом. Хотя мог бы. Да что там мог бы – работал!

Раз пошли такие разговоры, то сегодня уже ничего не напишу. Я одеваюсь и выхожу из дому. Иду по улице с одним названием, сворачиваю на улицу с названием другим. Я ведь могу рассказать про эти улицы. Вакансия: «Требуется тот, кто может рассказать именно про эти улицы и именно так, как может рассказать только он». Идеально. Тут я точно на своём месте.

Вот улица широкая с деревьями-каштанами, вот дома вдоль неё, их мы звали кукурузами. Если идти от первой кукурузы до последней, упрёшься в подземный переход, за ним

– Комаровка. Переход вымощен невзрачной серой плиткой. Некоторые из плиток – смотри не наступи – обязательно ша-таются и брызгаются водой, будто их подмывает невидимая река. Поднялся на берег – мимо павильона рынка, мимо до-ма мебели и торгового центра «Импульс» – пришёл. К зда-нию с высокими колоннами прилепилась кафешка.

Там не то чтобы дёшево, но всегда можно подобрать недо-рогие блюда или взять половину порции. А ещё в воздухе, кроме запаха жареной картошки и отбивной котлетки, вита-ет романтик колекшн вездесущего Поля Мориа. И если под музыку проглотить картошку да проглотить котлетку, то реаль-ность начинает меняться непропорционально тому, что я по-глотил. Глазные мышцы расслабляются, и зрачки перестают держать резкость, от чего посетители за соседними столика-ми размываются и становятся приятными цветовыми пятна-ми. Оркестр Поля Мориа заканчивает свой концерт под шум искусственной водяной мельницы, и его сменяет саундтрек моей молодости.

*вер-хом-на-зве-зде
вцепившись в лучи
слухом на поводке
вночи*

Дрогнула рука у музыкального дизайнера. Да, что-то мы такое раньше пели. С какой-то луной, в какой-то ночи. Глу-по-то как.

*о жизнь ты прекрасна
о жизнь ты прекрасна, вполне
бываешь немного опасна...*

пустая аранжировка
реверберация двухтысячных
девушки на подпевках

поверь мне, что всё не напрасно...

не реви

и создал этот мир я сам

кто ж ещё

*возьми моё сердце
храни, вспоминай обо мне
поверь мне, что всё не напрасно*

а минора не хотели?

верь мне

Вакансия для никого.

Ведь это только я могу рассказать. Плохо ли, хорошо?
Другие никак не расскажут.

9

Мы пили и пели. Еды было немного. Я не то чтобы смирился с ситуацией, но просто растворился в ней. Даже стал подыгрывать на баяне, вроде как караоке. Шурик на гитаре, Вадим – на пианино, Лёха с бубном (инструментов всем хватило), Женька с фотиком – щёлк. В центре комнаты – старый кухонный стол, вместо лавки – отпиленный ярус кровати, несколько расшатанных табуреток и довольно широкий подоконник – тоже можно сидеть. Всё это из-под потолка освещает лампочка, которая включается вкручиванием в патрон. Иногда мы выходим курить на балкон. Как он нас выдерживает?

Пиво кончилось, когда ближайшие магазины уже закрылись, поэтому Андрей и Костя отправились на «Престон». Пока они ходили тёмной улицей князя-анархиста мимо фарфоровой фабрики, инфекционной больницы и обратно, мы долго репетировали торжественный свадебный марш, чтоб грянуть его, как только они переступят порог квартиры. Лёха старательно лупил в бубен мимо ритма, но мы на него не обижались – сложно попадать в ритм, когда у тебя нет этого чувства.

Репетицию оборвал звонок в дверь. Мы затихли в ожидании, пока Дуба щёлкнет замком, и начали сразу с той части, где вступают все инструменты: «Та // та // та-ра-рам // та-

та-там // та-ра-ра // та-ра-рааа-рам», в комнате нагнетается атмосфера ЗАГСа, Женька озаряет наши лица фотовспышкой цифровика, и тут мы вдруг умолкаем перед лицом толстой тётки-регистраторши браков и иных гражданских состояний, которая протиснулась в дверной проём и строгим голосом вопрошает, готовы ли мы быть вместе и в горе, и в радости:

– Дадите вы мне поспать наконец или нет?! – возмущается соседка, которую довольно сложно опознать без красного берета.

Все растерянно смотрят на меня, я собираю остаток трезвости в кулак и иду извиняться и обещать, что мы больше так не будем.

Когда через пару минут в дверь позвонили вновь, мы не стали собирать наш оркестр. На этот раз дверь открыл Лёха, но ни Кости, ни Андрея не увидел. Он поздоровался с моим отцом и пропустил его в квартиру, тот зашёл к нам в комнату.

Судя по некоторым признакам, то ли пошатыванию, то ли особенной растрёпанности его одежды, я понял, что он пьян ещё больше нашего.

– Привет, Павлик, – сказал папа.

– Тебя тут только не хватало, – с вызовом сказал я. – Зачем пришёл?

– Как это зачем? Домой... О, Кузин баян, – оживился папа. – А где мама, где Коля? Я ему шоколадку купил. Вот,

сейчас, – стал рыться в карманах.

– Уехали.

– Куда?

– Далекo. Тебе-то что?

– Да, что мне-то. Стыдно и гадко, – папа сел на табуретку, которая под ним хрустнула и развалилась.

Лёха с Дубой подбежали его поднять. Я был не очень-то рад, что все видят моего папу в таком состоянии. Думаю, Шурик тоже. Это он говорит:

– Слушай, пап, почему ты именно сегодня пришёл? Не мог другого дня выбрать? Ты посмотри, что у нас теперь, тут же лечь негде. Ехал бы ты на дачу!

– Ага, поеду сейчас на дачу, посплю ночь на остановке, как раз до первого автобуса. Ну и дети у меня. Вот спасибо.

– Ну что у тебя, друзей, что ли, нету? С кем ты пил сейчас? – это уже я.

– А вот с ним, – папа показал на баян.

– С Кузей, что ли? Так вот и иди к нему, пересиди до утра.

– Опять, что ли, в бытовку?

– В какую бытовку?

Папа рассказал, что скульптор Кузя (он правда был скульптором) реставрирует сейчас обелиск на площади Победы. Обелиск я помню с детства, рядом с ним находился мой первый детский сад. Громко сказано – сад, это было помещение с детскими кроватями на первом этаже сталинки, двор которой заканчивался забором троллейбусного депо. Сад я

ненавидел (меня там били скакалкой), заодно на долгие годы возненавидел район площади Победы. Единственное, что заставляло меня с ним мириться, – это почётный караул из пионеров. Я любил смотреть, как они идут к Вечному огню своим странным шагом и не обращают ни на кого внимания, типа это нормально – идти вот так по центру города. Потом для меня нашлось место в саду ближе к дому, потом пионеры исчезли, потом перекрыли газ в Вечном огне.

Однако папа говорил, что газ скоро дадут, и, чтоб было торжественно, обелиск надо немного подновить, чем и занимался Кузя. Во дворе дома «Подвиг народа» поставили бытовки для рабочих, в одной из них папа с Кузей провели сегодняшний вечер.

– Может, и ночь там проведёте, – предложил я. – Здесь-то всё равно спать негде.

Папа осмотрел мутным взглядом своё ветхое жилище, нас – молодых и здоровых, махнул рукой, сказав: «Ладно!», и вышел, столкнувшись в дверях с Костей и Андреем, у которых в пакетах позвякивало известно что.

Восстанавливать дальнейшие подробности и их очередность я не берусь: во-первых, столько лет прошло, ну а во-вторых, моя нетрезвая память сохранила только отдельные вспышки Женькиного фотоаппарата.

Хотя фотографии эти остались. Вот Шурик позирует с гитарой через плечо и шлангом от Лёхиного пылесоса на шее. Вот я растягиваю баян, а Лёха приставляет мне пыльные оле-

ны рога. Серия фотографий газовой горелки с синими язычками пламени – мы варим пельмени. Дуба с нереально красным носом. Опять поём, бедная соседка. А это что? Я с телефонной трубкой и растерянным лицом. Наверно, разговариваю с Крисом Мартином. Бельгиец позвонил и позвал к телефону Шурика, но так как тот не мог связать двух слов, передал трубку мне. Мартин сказал, что его жена шлюха, bitch, не могу ли я помочь ему с визой и сдать комнату? Он хотел бы приехать через месяц и сохранить семью, потому что очень любит Катсю. И вот я, только что выгнавший на улицу родного отца, уже приглашал в гости Криса. Он, правда, обещал заплатить.

Сейчас у нас с папой что-то вроде перемирия. Он живёт в маленькой комнате, а я – в большой. Есть ещё бывшая кухня, я там жил предыдущие три года. Мы с папой, похоже, успели пожить во всех пригодных для этого частях квартиры. Мы использовали её с максимальной эффективностью.

Папа всё время не переставал пить, а я пытался принять это как часть его природы. Проблема лишь в том, что я бы хотел жить отдельно либо не заботиться о пьяном соседе, контролируя, чтоб он не уснул с зажжённой сигаретой, выгоняя каких-то опустившихся личностей из его комнаты, которые, вполне вероятно, очень хорошие люди, может, тоже художники, хотя в последнее время папа тащит всех без разбору.

Пить ему не помешало даже то, что у него нашли диабет в ранней стадии. С диабетом, говорят, лучше не пить. Но папа пил. Потом от рака умер его брат – дядя Вова. Столкнувшись со смертью, папа не пил полгода и даже ходил на работу, хоть и на пенсии. Но что-то работа не шла ему впрок. Иными вечерами мне казалось, что он пьян – так он уставал. В конце концов он снова запил. Пил до тех пор, пока у него не посинела нога.

– Я знал, – говорил он мне, – я знал, что этим кончится, но я хотел проверить!

С тех пор папа не пьёт уже год, но я-то знаю, что это может

начаться в любой момент. Я даже внутренне к этому себя готовлю, чтоб потом сильно не расстраиваться.

Иногда он заходит ко мне за какой-нибудь мелочью, но я вижу, что ему просто хочется поговорить. Тогда я спрашиваю про его молодость. Мне интересно всё это семейное прошлое. И папа рассказывает про минскую богему 70-х, и я узнаю, что в Минске была своя богема.

– Пап, а что тут вокруг было, когда ты впервые попал в эту квартиру? – спрашиваю. Он ведь, в отличие от меня, жил здесь не всегда.

И папа рассказывает, что «пришёл к Вовке с какой-то девкой, со Светкой, по-моему. Сидел на кухне и смотрел в окно. А там тогда только общежития строились, это вообще был край города. И пейзаж такой безрадостный, и потолки низкие. Ну, думаю, не дай бог тут жить!».

Дело в том, что папа с детства жил в одной из вокзальных башен, в левой, если смотреть с вокзала, на третьем этаже. Мой дед, а его отец (дневник которого – единственное, что нам отошло по наследству) был какой-то важной шишкой в управлении железных дорог, вот и жил поближе к этим самым дорогам. Прямо из дома, можно сказать, наблюдал своё ведомство. И папа мой ни в чём не нуждался, жил как маленький советский принц. Ел из трофейной посуды со свастиками, которую за ним мыла домработница тётя Вера. Она спала на сундуке и готовила еду на дровяной плите – ни газа, ни отопления, я так понимаю, там не было предусмотрено.

Домработница – это конечно, какое-то вопиющее классовое неравенство, но дед с 13 лет работал на подмосковной фабрике, потом был на побегушках в «Товариществе внутренней и вывозной торговли капиталиста Второва». То есть в рамках одной жизни справедливость восстанавливалась.

«Итак с мая 1915 года я работал на Реутовской фабрике, вращался среди рабочих подростков таких же, как сам. Работа на фабрике проходила в две смены. В первую смену 1-ый гудок был в половину пятого. 2-ой без пятнадцати пять. Сторож дядя Яков ходил в гудок по коридору с колотушкой и кричал: «Первый! Гудок!» Потом постучит колотушкой и опять кричит: «Первый гудок». Так он кричал 2-ой и 3-ий в 5 часов гудок. Как тяжело было подниматься на работу в самое сонное время ребенку в 13 лет. А подниматься надо. Идешь на работу и на ходу спишь. И когда в фабрике запустят станки, закрутятся колеса, заходят станки, делается такой шум, что ничего не слышно, если тебе кто хочет сказать. Тут уж ты являешься придатком станка. Он ходит взад-вперед и ты за ним должен ходить. Отец, бывало, говорил мне: «Пашка, фабрика – это паутина, а хозяин её есть паук. Попадает к нему рабочий, он сосёт из него кровь, как сосёт паук из мухи, когда она попадает к нему в паутину». Так оно и есть. 9 часов бегаешь-бегаешь за машиной, присучаешь нитки, дышишь ватой, в голове вечно шум. Летом откроешь на немного окно и глотнёшь свежего приятного воздуха, и опять к станку».

У деда, которого звали так же, как и меня – Павел, а по отцу Андреевич, было трое детей. Дочь Люся, сын Вова и самый младший – мой папа, тогда ещё просто Саша. Дед в позднем ребёнке души не чаял и, как говорила мама, «в жопу дул».

Как только Павел Андреевич заметил, что Саша увлекается рисованием, отвёл его в художественную школу. Потом в художественное училище. Чтобы быть последовательным, дальше нужно было идти в театрально-художественный институт, но тут возникли проблемы.

Сейчас я изложу папину версию, потому что никакой другой у меня нет.

Папа ходил в кружок Кима Хадеева. «Это умнейший человек, мой самый лучший друг», – говорит о нём папа. Когда Кима попросили дать интервью о художнике Лёшке Жданове, Ким ответил: «Жданов? Не знаю такого художника. Вот о Сашке Антипове я могу говорить как о художнике, а о Жданове я могу говорить только как о поэте». Я ещё раз замечу, что это слова моего отца, как оно там было, я знать не могу. Для простоты назовём кружок Кима антикоммунистическим. Антикоммунистический кружок в коммунистической стране. Вот из-за этого, говорит мой папа, его и не взяли в театрально-художественный институт. И якобы Павел Андреевич имел серьёзный разговор с кем-то из ГБ, мол, как вы допустили, чтоб сын коммуниста с такими связался? Папа плевал на такие серьёзные разговоры, к Киму ходить не пе-

рестал, но и в институт больше не пробовал поступать.

Дед умер, когда папе было 23. Тут и начались все папины несчастья. То есть это опять можно назвать справедливостью, если ты одну половину жизни как сыр в масле катался, то вторую, будь любезен, проведи в говне.

А всё из-за квартир, которых вокруг папы было неприлично много. Его сестра с мужем и сыном жили на камвольном. Брат с женой и дочерью – лицезрели в окно трубу. Папина мать, ещё не старая пятидесятилетняя женщина, тоже решила обзавестись семьёй и вышла за престарелого гэбэшника в надежде на то, что он быстро откинет копыта и ей достанется квартира на проспекте. В итоге папа оставался владельцем привокзальных хором, устраивал там богемную жизнь и прочее. Естественно, дядя Вова захотел переселиться с «края города» обратно в центр. Не буду вдаваться в подробности, но моего отца всё же уговорили переехать на Гая.

В принципе, папин образ жизни от этого ничуть не меняется. Друзья начинают ходить к нему и «на край города». Один из них знакомит отца с мамой...

И ещё пару слов о крае. Папа очень любит рассказывать, не то что бы сильно жалея, но как бы бравируя передо мной, о временах, когда он выходил из дому, садился на электричку и через 20 минут был на даче в Ждановичах (дачу ту снесли, когда строили Минское море или Дрозды). Или о том, что вот он просыпался и думал: а не поехать ли сегодня в Гродно? И опять-таки выходил и сразу садился в автобус до

Гродно. А теперь вот живёт вдали от вокзала, с низкими толками.

Но тут же классно, думаю я, всего-то 20 минут ходьбы до Немиги и 45 – до вокзала. Какой уж тут край, если подумать, что есть Малиновка, Сухарево или даже шабанывымоишабаны.

Пока я всё это пишу, наступил март, и картинка за окном изменилась. Осталось дерево, но снег уже не лежит на ветках. На городской площади четыре флагштока: один пустой, на трёх других флаги Латвии, Евросоюза и города Вентспилс. За флагштоками спиной ко мне стоит гранитный Фабрициус и смотрит на зелёный дом времён Российской империи. Из труб дома идёт жиденький чёрный дымок – в старом городе обогреваются каминами. Сразу за домом на фоне синего неба видны два жёлтых портовых крана.

Латвийское министерство культуры оплатило мне комнату в вентспилском доме писателей. Я пообещал, что буду дописывать роман. И я его дописываю.

В тот год поступали Шурик, Лёха, Женька и Костя.

Андрей перешёл в последний класс, Вадим учился в техникуме лёгкой промышленности. Нам он говорил, что будет модельером обуви, но как-то это не вышло с теми тапочками, которые он иногда показывал. Я без удовольствия ходил в нархоз, из меня обещали сделать финансиста. Дуба был в армии.

Костя отыскал только открывшийся факультет при БГУ. Про него ещё мало кто знал, и Костя с большой ревностью относился к тому, что Лёха пошёл с ним на консультации. Лёхину душу грело, что он, один из худших учеников в классе (если судить по оценкам), взял сразу такую высокую планку – БГУ. Он рассказывал, когда учителя узнавали, что он будет поступать в БГУ, одни злились, другие посмеивались. И те, и другие полагали, что Лёха издевается.

Женька хотел ко мне в нархоз.

Сейчас, с десятилетнего расстояния, я вижу, что никто из нас не будет заниматься тем, на что учился. Никто. Кроме, разумеется, Шурика.

Он будто бы сразу знал, что станет музыкантом. Мы тоже были уверены, что будем музыкантами, но почему-то не шли в музучилище. Шурик поступал уже второй раз. То есть, по моему мнению, потерял год! Меня пугали эти «потерянные

годы». Я был готов учить всё что угодно, лишь бы не работать в парикмахерской.

Зато Шурику повезло с Маевским. Тот вёл музыкальный кружок во Дворце пионеров на Комсомольском озере. Кружок никто не посещал, и Маевский ходил по окрестным школам, пытаясь завлечь старшеклассников, которым вообще-то было не до музыки. Среди старшеклассников ему подходил только Шурик, и они, в конце концов, нашли друг друга. Шурик привёл за собой нас, и мы часто репетировали во дворце.

Кружки были не в лучшем состоянии. Мне казалось, что мы были единственными «пионерами» в этом огромном пустом доме у озера. Видимо, чтоб хоть как-то окупить дворец, администрация еженедельно в ночь с пятницы на субботу сдавала первый этаж здания под книжную ярмарку. Туда мы тоже часто наведывались, за справочниками абитуриента или сборниками диктантов, которые мы уменьшали на ксероксе.

В кружке Маевского была старая ударная установка с порванными пластиками, гитара и бас-гитара без струн, прищипки «Лель», старый усилитель, включавшийся через раз, микшерский пульт с оторванными регуляторами, был там довольно сносный саксофон. Была ещё гордость кружка, да я подозреваю, что и всего Дворца пионеров – новенький синтезатор «Korg», модель «Trinity». Цвет серебристый, клавиши точь-в-точь как на фортепиано, и даже при нажатии ка-

жется, что там внутри не контакт соединяется с контактом, а молоточек ударяет по струне.

Лёхе без слуха мы определили роль басиста. Вне себя от радости, он раздобыл у мамы деньги на струны, купил также и пластики на барабаны. Мама его, в свою очередь, тоже была рада, потому что видела – деньги пойдут не на пиво (хотя часть из них мы, конечно, пропили). Вадима, который окончил в детстве три класса по баяну, посадили за барабаны. На роль гитариста претендовал только один человек, хотя часто подыгрывали и мы с Женькой.

Маевский обычно сидел за синтезатором, изредка наигрывая разнообразные джазовые линии, которые казались нам однообразными. Было ему под тридцать, а его занятие родилось из заикания. В детстве врачи прописали ему дыхательную гимнастику, а также посоветовали заниматься каким-нибудь духовым инструментом. Маевский пошёл в музыкальную школу, которую закончил по классу саксофона. После поступил в музыкальное училище имени Глинки. Окончив его, Маевский помыкался по разным бандам, пока наконец не осел в оркестре милиции, где ему выдали парадную форму, и он дудел в свой саксофон на разных Днях города и других мероприятиях, которые призваны были поднять авторитет милиции у населения. Мероприятий таких было немного, а оплата была сдельной, потому Маевский, чтобы прокормить семью, решил взяться за кружок во Дворце пионеров.

Благодаря этому Шурик получил место, где мог безболезненно прогуливать школу, учиться играть на саксофоне, синтезаторе и брать уроки сольфеджио. Кроме того, Маевский, заикаясь (гимнастика ему не сильно помогла), обещал познакомить Шурика с преподавателями училища, которые могли бы помочь с поступлением. Но так как знакомство не состоялось ни во время учёбы Шурика в 11-м классе, ни после – в тот год, когда он работал в парикмахерской, то, видимо, во всех неудачах нужно винить Маевского. Маевского и никого более.

Я неплохо запомнил тот день. У Шурика был экзамен по специальности. Перед ним он зашёл ко мне. Я натягивал новые струны, он боялся, что какая-нибудь из первых порвётся и попадёт ему в глаз.

Шурик в это время перерывал вещи в поисках ремня. Зашёл Лёха – мы договаривались идти с Шуриком.

– Лёха, дай ремень на экзамен, – вместо приветствия обратился к нему Шурик.

Эта его манера меня долго раздражала. Он как бы находил кратчайшее расстояние между двумя точками и плевал на условности. И я видел, что этот метод работает. Лёха не прекословил и снял ремень. Меня, видимо, это и задевало: что можно действовать напрямую, без экивоков, что можно поступать сразу в музыкальное училище, минуя все эти техникумы лёгкой промышленности и экономические институты.

Шурик взял на экзамен ещё и полотенце, чтоб было чем вытереть руки после туалета. Любитель комфорта!

Я предлагал пойти пешком, тут через озеро всего полчаса ходьбы, но Шурик напомнил про свою пятку, и я решил не спорить.

Мы поздоровались с глухим дедом в кепке, с бабкой в красном берете, те покивали нам в ответ, а мы пошли на остановку имени князя-анархиста, что за общагами. Шурик

шёл налегке, я нёс электрогитару, Лёха время от времени подтягивал джинсы и нёс рюкзак.

Подъехал жёлтый «Икарус» с табличкой «29» за водительским стеклом. Пару остановок до Комаровки можно было посидеть на единственном тройном месте: автобус только что выехал с конечной, и салон был пуст. На рынке пришлось вставать и уступать места пенсионеркам. Я в ту пору возмущался этим обычаем, что если ты бабка и живёшь в Минске, то в любой день, кроме понедельника, будь любезна взять большую сумку и отправиться с ней на Комаровский рынок, чтоб купить побольше и подешевле, отвезти домой, засолить, замариновать, закатать, зажарить, заготовить, запастись, заплесневеть. Теперь же я стараюсь везде ходить пешком, особенно если путь через Комаровку. Мне что, жалко? Пускай возьят!

Мы с Лёхой встали, а Шурик остался сидеть. В этот особенный день к нему никто не прицепился, мол, молодой человек, как же вам не стыдно? И даже контролёры, не пропускавшие ни одного автобуса с безбилетниками за реку (а талонов мы тогда не пробивали), даже контролёры – и те махнули водителю рукой в сторону музучилища, мол, едьте, не задерживаем. Автобус проехал над Свислочью, повернул на проспект Машерова и высадил нас по ту сторону Комсомольского озера. Мы перешли проспект, поплутали между двухэтажными сталинками и наконец вышли к училищу.

По дороге Шурик рассказал, что у него и у Кости совпал

день первого экзамена. Это очень встревожило Лёху, который должен был поступать вместе с Костей. Вот тебе и мечта о БГУ. Нужно было как-то связаться с Костей.

Музыкальное училище стоит на пересечении улиц Гастелло и Грибоедова. Место очень тихое, если не считать звуков оркестровой ямы, которые льются из открытых окон, однако это вроде как подчёркивает тишину. В двух шагах находится городской наркодиспансер, куда при желании можно поставить на учёт большинство учеников и наверняка нескольких преподавателей. Дальше по Грибоедова за разросшимися деревьями уже тогда начинали строить мечеть. Стройка велась на месте старого татарского кладбища, где и теперь можно наткнуться на надгробные камни с арабским шрифтом.

Если же пройти дворами, можно набрести на остановку электричек «Радиаторный». Тут недалеко одноимённый завод, на котором Вадим с Лёхой отработают в своё время несколько дней. Лёхины светлые ресницы будут покрываться копотью, словно он пользуется косметикой. Однако это будет ещё через год-два, про это, пожалуй, я не успею рассказать. Вообще же можно с лёгкостью жить где-нибудь в Заславле и ездить в училище на электричке. Я таких учеников не знаю, однако знал много людей, которые выходили на «Радиаторном» и шли на работу. Прямо как в большом городе. Также в районе училища находится гастроном «Азарэнне», а около него переход со знаком «Слепые пешеходы».

Шурик пошёл разбираться с очередью на экзамен, а Лёха

– искать телефонную карточку, нужно было связаться с Костей. Я остался на крыльце под скульптурой чувака с арфой и рассматривал толпу абитуриентов и их родителей. Они курили, ходили взад-вперёд, стояли группками и о чём-то разговаривали. Чей-то младший брат весело лавировал-лавировал, да не вылавировал между стоящими.

– Лёша, не кричи, – успокаивала его мамаша.

Несколько окон училища были открыты. Оттуда, как я уже говорил, были слышны звуки оркестровой ямы. По-моему, был июнь, было тепло, и на небе ни облачка, правда. Отличный день.

Вскоре вернулся Лёха. Он подошёл с девочкой, которую представил как Дашу из Жодино. Именно она выручила его с телефонной карточкой, он дозвонился до Костиных родителей и с облегчением узнал, что сегодня в БГУ консультация, а экзамен завтра. Волосы Даши были так черны, что чернее ничего и быть не может; браслеты Даши были из скрепок мелких; бусы Даши – из скрепок крупных. Я думаю, ей было лет 15, ну не больше 16. Она протянула нам сигареты со словами «что естественно, то не безобразно».

Подошёл Шурик и сообщил, что будет играть одним из последних. И я решил, что успею съездить по делам Криса Мартина: надо было получить денежный перевод, оформить приглашение и отослать его в Брюссель.

Я вернулся на проспект Машерова как раз, когда к остановке подъезжал 91-й автобус. На нём было написано «Маршрут высокой культуры». Веснянка – Пионерская – Дипгородок (оттянутый разворот) – проспект Машерова – Немига – Максима Богдановича – Веры Хоружей – Куйбышева – Беды – Некрасова – Якуба Коласа – Калинина – Франциска Скорины – Филимонова – АС Московская.

Я сел на Гвардейской ул., проехал Юбилейную г-цу, Алею маг., и вышел на Немиге ст. м.

Почти всю дорогу никто не заходил, а вот на Немиге мне пришлось пробиваться через толпу пассажиров, которых не очень-то заботило, что мне надо выйти. Моя память проворачивает со мной странную штуку. У меня ощущение, что весь холм к рогатому собору святого духа был в то время заасфальтирован. Такой холм из растрескавшегося асфальта, в щелях которого ветер треплет травку. Я понимаю, что, скорее всего, это была широкая асфальтовая дорога, которая вела наверх к бывшему иезуитскому костёлу, Впрочем, не будем погружаться аж в такое прошлое. Глубина погружения не имеет никакого значения. Всё так быстро течёт и так моментально изменяется, что нет никаких фотографических сил остановить мгновение. Ведь между мной пишущим и мной идущим в паспортно-визовую службу какие-нибудь

лет десять, а тот я идёт в асфальтовую гору, а я-теперешний смогу пройти уже только по лестницам, на которых пасутся голуби и туристы.

Я-тот свернул к площади Свободы. Слева восстанавливали торговые ряды, в которых сейчас ресторан, справа здание гостиного двора с автоинспекцией внутри. Художники мирно торгуют своим ширпотребом на месте будущей ратуши, которая им и в страшных снах не снится. Не снятся им ни кони с бронзовой пролёткой, ни гостиница Европа, которую поставят на месте «Блюз-кафе», которое до того было павильоном «Пингвин», где шариками продавали клубничное-малиновое-киви-фисташковое... Если тебе повезло и ты в детстве ел мороженое «Пингвин», то где бы ты ни был, потом оно до конца дней твоих останется с тобой, потому что «Пингвин» – это праздник, который всегда с тобой. О боги, знал бы Вадим, что пройдёт несколько лет, и там, где мы с ним отстаивали очереди за мороженым, выстроят гостиницу «Европа», а его техникум пригонят сюда на бесплатный субботник вкручивать розетки в будущих номерах, и на третьем этаже в номере с видом на не существующую пока ратушу его треснет током так, что он пойдёт к чёртовой бабушке всё училище с его преподавателями и никогда больше не будет ходить на эти субботники.

Пока я-этот предавался сладким воспоминаниям, я-тот уже дошёл до кинотеатра «Победа». Всё, хватит! Не буду говорить, на месте какой разрушенной церкви он был постро-

ен.

Как начнёшь, то уж не остановить, тут было то, да это. А река Немига! Где, мать вашу, река Немига?! Спустили в трубу! Блядь! Я сижу тут на стипендии в Курземе, и вот вам городок Кулдига, смотрите, центр как игрушечный, узкие кривые улочки, шпили, арки, брукаванка. А маленькая речка аккуратно течёт между домами, прямо из окна можно в неё плюнуть, плевков твой поплывёт в Венту, потом в Балтийское море и мировой океан! Где моя река Немига? Где тот город, что стоял на её берегах, почему, блядь, Кулдига стоит, а старый Минск снесли на хер?! Сносят, сносят всё старое красивое и строят всё новое некрасивое! Каждые пять лет всё меняют! Не успокоятся!

Ну ладно, ладно, они не успокоятся, так успокойся хоть ты. Что тебе надо, можешь сказать?

– Мне нужен город такой, как прежде.

– Что значит как прежде? Что это за город?

– Нормальный старый город!

– Что в этом городе будет? Представь-ка, вот у тебя есть возможность построить это старый город. Конку вернёшь?

– Какую ещё конку? Ну это вряд ли. Можно без конки. Но Минску надо вернуть тот вид, который он имел, скажем, в 20-е, 30-е годы. Но и то не всему, конечно, Минску, не будешь же спальные районы сносить. Тогда и мой район снести придётся. Деревни там строить, всё такое. Нет, это уже абсурд какой-то. Только центр восстановим.

Значит, так, берём все довоенные планы, все эти чёрно-белые фотокарточки, выселяем людей из всех этих новостроек по улице Немиге, сносим к чёртовой бабушке, насыпаем горы или что там было, холмы? Выводим из-под земли реку Немигу, застраиваем территорию прежними домами. И всё, и ура, теперь я доволен. Теперь мне не надо ездить в Варшаву или Прагу, всё это есть у меня и тут. Почти как Прага, почти как Варшава, её ж тоже из руин восстановили!

– Ну и нужна тебе ещё одна Варшава?

– В смысле?

– Ну восстановишь ты тут центр, как в Варшаве, и будет тут тебе Варшава. А ты ж вроде Минск хотел?

– Так, а что такое Минск?

– А то ты не знаешь? «Пингвин» вместо «Европы», «Блюз-кафе» вместо «Пингвина», «Европа» вместо «Блюз-кафе», художники вместо ратуши, ратуша вместо художников, новое некрасивое вместо старого красивого, река в трубе, продолжай...

Я зашёл в ОВИР моего района, который был тогда через дорогу от кинотеатра «Победа», заполнил там необходимые бумаги, отдал свою фотографию, которую вклеили в карточку. Потом надо было зайти в банк и получить от Криса 30 долларов по «Вестерн Юниону». Часть этих денег пошла на оплату услуг ОВИРа. Я вернулся туда с банковской квитанцией, и мне выдали приглашение. Я поинтересовался, может ли Крис провезти через границу портостудию.

– Какую-какую студию? – насторожился человек в форме, который принимал у меня документы.

– Портативную студию звукозаписи. Мой знакомый – музыкант, он хотел бы записать альбом в Минске.

– Ну если альбом. Я вообще-то не в курсе, тебе лучше позвонить на таможню, – ненавижу эту их привычку «тыкать», – но, по-моему, всё, что не превышает стоимости 5000 евро и не на продажу, можно провозить.

Он вырезал кусочек из квитанции, куда-то приклеил и протянул мне приглашение.

Я поблагодарил и пошёл на главпочтамт, чтоб послать приглашение по почте. На главпочтамт дойти просто: поднимаешься на проспект, сворачиваешь направо, и через квартал ты у цели. Я не буду тут предаваться размышлениям об ужасном сталинском ампире, которым застроен наш про-

спект, тем более мне этот ампир не кажется таким уж ужасным. Нормальный такой ампир.

После того как я заплатил за пересылку, у меня оставалось ещё долларов пять. Довольно внушительная по тем временам сумма. Если тратить только на алкоголь, то, наверное, ящик пива купить можно. Я сел у почтамта на 69-й автобус (Вокзал – Кирова – Свердлова – просп. Ф. Скорины – Ленина – пл. Свободы – просп. Машерова – Сапёров – Тимирязева – просп. Пушкина – М. Лынькова – Масюковщина) и поехал назад.

Когда я подошёл к училищу, Шурик уже заканчивал играть. Под открытым окном кабинета, где проходил экзамен, собрались все наши: Вадим, Андрей, Женька, Костя пришёл с консультации. Из окна раздавались последние звуки «Tender Surrender», которая вызвала когда-то такой восторг у Криса Мартина. Затем из окна послышались аплодисменты, очевидно, хлопала комиссия, за ней стали хлопать мы. Я немного расстроился, что пропустил выступление Шурика.

Вскоре вышел он сам.

– Ну как? – спросил я.

– А, – махнул рукой, – каб не гаўно, так трошкі нічога.

– А поставили-то что?

– Наверное, «пять», а то и все «два»!

Шурик был явно доволен, и его радость передалась нам. Но результаты должны были объявить позже.

Я заметил, что нет Лёхи, и спросил, куда они его дели.

Мне рассказали, что Лёху забрала та со скрепками. Она смеялась всем его шуткам, а когда он сказал, что пойдёт искать туалет, вызвалась показать ему где.

Лёха догнал нас у знака «Слепые пешеходы», мимо которого мы шли к гастроному «Азарэнне». Даши с ним не было.

– Короче, пацаны, она на меня запала, – сообщил он. – Взяла за руку, спустились мы по ступенькам, подходим к туалету, а она меня не отпускает, заходит со мной. Начинаем сосаться.

Тут он в подробностях рассказал, как двигались их языки и где он нащупал пломбы.

– Не знаю, сколько прошло времени, мне уже скучно стало, тем более, что я в туалет хочу. И тут она стягивает с меня штаны... – мы поднапряглись. – Шурик же у меня ремень забрал, штаны сами сваливаются. И я чувствую, что она собирается у меня отсосать.

– Ты гонишь! – возмущается Костя. Нам не очень хочется верить в этот его рассказ.

– Не гоню! Честное слово. Я думаю, надо драпать. И вот я здесь.

Мы молчали.

– Нет, вы не понимаете, – оправдывался Лёха. – Не могу я, когда девушка мне нравится, позволить ей член сосать.

– А она что, тебе нравится? – спросил Вадим.

Лёхе было не до обид, он побежал за гастрономом.

Потом мы пили пиво перед училищем, потом узнали, что

Шурику поставили «пять», а Даше «четыре». Шурик забыл про свою пятку, и мы возвращались домой через озеро. Даша шла с нами, Лёха держался поодаль. На этот раз у Женьки не было фотоаппарата, и я помню только то, что Даша целовалась с Костей, а потом спала в обнимку с Вадимом.

Кажется, про одни эти виды из окна можно написать целую повесть. Каждый раз как я сажусь за ноутбук, то подолгу смотрю в окно, и пейзаж входит в меня, а затем незаметно – в текст. Не может быть, чтоб не входил. Окно определяет сознание, зуб даю.

Вот я у окна в Кричеве в старом доме моей бабушки, мне малы эти комнаты и этот сад, который раньше был совсем впору. Я сижу и придумываю биографию жене Криса. Дело в том, что я не очень хорошо с ней знаком, а для настоящего романа надо придумать настоящую биографию. И вот я решаюсь исследовать сайты русских жён в поисках того, что они ждут от заграницы. И я нахожу несколько отличных историй. Если удастся создать из них Катину биографию, то должно быть довольно реалистично.

Но в Кричеве меня хватает только на исследование сайтов. Я решаю учредить для себя стипендию. Одалживаю сто евро и еду на три недели в Бонн, где встречаю новый год наедине с романом. В Бонне селюсь в комнате своей давней подруги, которая в эти дни как раз на каникулах. Я живу на четвёртом этаже, что довольно высоко для Бонна, особенно для Ауэрберга – той окраины, где находится общежитие. За окном малоэтажная застройка, редкий немец выгуливает собаку, почтальон едет на жёлтом велосипеде. Больше ничего

нет. Только голые деревья и петух на шпилье здешней церкви – церковь рядом с конечной небольшого зелёного автобуса. Глядя на всё это, я перечитываю истории, которыми поделились жёны иностранцев.

Мужчины в Германии боятся идти первыми на контакт. На улице никто не знакомится. В трамвае тоже никто ручку не подаст, не будет кокетничать, каждый тупо уставится в свой внутренний мир, там и существует.

Существо в страшных потёртых джинсах и мятой футболке не тянет на принца! Но это моё личное мнение.

Мой совет девушкам, которые думают, что не в деньгах счастье. Сначала надо представить жизнь без денег, а потом сто раз подумать, в чем же счастье?

Ко всему прочему, я не могла принять ванну или душ каждый день, т. к. расходовалось много воды, а это дорого, так что 2 раза в неделю – и хватит.

Так как по характеру я женщина сильная, всё это я выдержала и даже стала привыкать.

После всего я получила десяток писем, в которых излагались дикие гадости, и ещё он вкладывал в конверты мои фо-

тографии, разорванные на мелкие кусочки.

Но я всё равно попытаюсь начать все заново!

Если бы я раньше прочитала ваши советы, возможно, я раскусила бы его быстрее.

Женщины, не повторяйте моих ошибок!

С уважением,

Сегодня я получила письмо от немца. По всем признакам выходило, что он вполне перспективный кандидат: 35 лет, не был женат, без детей, живёт в крупном городе и в качестве хобби играет в рок-группе.

Конечно, я спросила, какую музыку он играет, сочиняет ли её сам и т. д. В общем, проявила интерес, мужчины это любят.

В его втором письме я читаю примерно следующее: «Работа у меня, конечно, интересная (оказывается, игра в рок-группе уже его работа, а не хобби), но практически не приносит дохода. На существование, конечно, хватает, но это всё, что я имею на сегодняшний день. Возможно, мне придётся окончить университет, который я бросил в юности».

Я придумал Кате двух подруг, тоже жён бельгийцев. Назвал подруг почему-то... да какая разница, как я их назвал. Я поделил эти душераздирающие истории между ними по-

ровну. Всё, что я знал про Катю, – это то, что она вышла замуж за бельгийского музыканта, а через год сбежала от него обратно в Минск. Через эти истории, через этих подруг я пытался понять, почему она это сделала. И ни хрена, надо сказать, не понял.

У нас есть такой литературный кружок. Я, Настя Манцевич и Кирилл Дубовский. Мы собираемся каждые две недели и обсуждаем наши романы. Мы с Кириллом их пишем, а Настя готовится. Непременное условие этих встреч – хвалить друг друга. Мы боимся, что у нас пропадёт желание писать. Так вот, даже на этих хвалебных встречах Кирилл не удержался и сказал, что глава про Катю звучит не очень естественно. Обычно таких девушек, как Катя, все невзгоды, которые я описал, не пугают, а наоборот радуют. А я описал, что Кате приходится жить в пригороде, каждый день слушать шум шоссе, ходить на реку между одинаковых домиков и т. п. Я списал эту картинку с Бонна, не буду врать. Мол, в этом тоскливом городе был парк, где к каждому дереву была прикреплена маленькая зелёная табличка с номером. Среди пронумерованных деревьев задумчивые бельгийцы выгуливали своих собак – у каждого было сразу по две, а то и по три, будто одной им было недостаточно. Тут же был небольшой пруд, на который однажды прилетела небольшая стая лебедей. Впрочем, этого как будто уже дожидалась троица бельгийских детей. Они выскочили из кустов и, лая на французском, стали швырять в лебедей камни. Птицы улетели.

Короче, ни фига это не Катя, а я хожу по набережной Рейна. В ветряные дни Рейн выходит из берегов, и набережную затапливает. Лебеди действительно есть. Они плавают около паромного причала. И немецкие дети – пожалуйста – бросают в них камни. До центра Бонна 7 километров, и я прохожу их пешком, чтобы не тратить 2,5 евро на трамвай. Иногда иду вдоль реки, иногда через город. Оба этих маршрута за три недели мне надоедают до чёртиков, и я очень хочу домой. Вот так и Катя, думаю я, так и Катя. А на самом деле я не знаю, как она. Знаю только, что она от Криса сбежала.

Мне остаётся надеяться, что на нас действовала одна и та же тоска, просто разными путями. И я, написав о себе, показал то, что испытывала Катя, а как она это испытывала – бог её знает!

Я сижу с Шуриком на остановке. На деревянной скамейке, почерневшей от дождей, царапаю ключом борозду. Вокруг нас широкое открытое пространство. Слева на приличном расстоянии – гостиница «Планета», напротив – через восемь полос улицы Иерусалимской – стела «Минск – город-герой». Ехать нам направо, за реку. Шурик только что получил двойку по белорусскому диктанту, и это значит – учёба в музыкальном училище откладывается для него ещё на год. Откладывается уже во второй раз.

Мы молчим и остро чувствуем мир вокруг. В ушах шумит ветер и проспект Машерова.

Шурик тогда впервые подумал о том, что он не музыкант и нужно подыскивать профессию попроще.

Мои же мысли немного диссонировали с моей жизненной позицией. До этого момента я прямо очень хотел, чтоб Шурик понял: без труда не выловишь рыбку из пруда, для того чтобы попасть в училище, дорогой брат, надо 8 лет ходить в музыкальную школу, нужно быть прилежным (вот слово-то), не прогуливать уроки, придумывая себе болезни одна нелепее другой, необходимо положить все силы и в поте лица, изнашивая организм, заработать будущее.

Мне казалось, что я этого хотел, но, когда Шурик получил двойку, которая полностью подтверждала мою теорию, ока-

залось, что я этого не хотел. Откуда вообще взялась во мне эта теория? От прадедов? Спокон веков? Что-то очень дурно устроено в мире, если прадеды завели такую систему. Хочешь учиться музыке – напиши диктант. При чём тут язык, думал я, Шурику ведь не нужно разговаривать, просто играть на гитаре.

К остановке подъехал автобус, и мы вернулись домой. Там мы включили фильм про Варшавское гетто, где запросто расстреливали людей. Подходит немец к еврею: «Еврей?» – «Еврей» – бабах. И меня всего передёргивает от этого выстрела, и выстрел этот сливается в моих мыслях с двойкой. Фашисты они, а не преподаватели, мы вам ещё устроим Варшавское восстание!

Когда фильм заканчивается, мы с Шуриком продолжаем смотреть на чёрный экран. В ушах у нас шумит ветер и проспект Машерова, мы слышим выстрелы и звонок в дверь. Когда через некоторое время к этим звукам добавляется звонок телефона, то я иду открывать, а Шурик снимает трубку.

В трубке был Дуба.

За дверью стоял Лёха.

Он был доволен. Утром он сдал первый экзамен в своём БГУ и выпросил по такому случаю у мамы деньги на парикмахерскую, а просто так она бы ему не дала. Вместо парикмахерской Лёха сходил в магазин, купил 1,5-литровую бутылку пива и литровую – джин-тоника. Это и был бы джин-

тоник, если бы вы держали в руках роман Ремарка – одна часть джина, две тоника; в нашем случае это разведённый на заводе спирт с ароматизаторами, разлитый в пластиковые бутылки. Лёха любил состояние алкогольного опьянения и любил достигать его быстро. Джин-тоник Минского завода безалкогольных напитков не раз выручал его.

Теперь предстояло угодить маме. Так как оставшихся денег на стрижку явно не хватало, постричь Лёху должен был Шурик, которому Дуба по телефону сообщал вот что.

Сегодня его первый раз отправляют патрулировать город. Он и его сослуживец будут ходить целый вечер в районе площади Победы под руководством настоящего милиционера, который покажет им, как патрулировать города. И никто не отличит Дубу от настоящего милиционера, кроме нас, потому что только мы будем знать, что это наш друг, который служит в армии. Шурик пообещал, что мы придём. По-настоящему, а не как в предыдущие разы, когда нам лень было съездить к нему в часть.

В этот день ещё кое-кому предстояло кое-что сделать в первый раз. Шурику. Постричь. Он взялся за это без раздумий, он уже и так слишком много думал сегодня.

Лёха сел в центре пустой комнаты. Вместо отражения он видел через окно листья на деревьях, за ними – пятиэтажку, а дальше – высокую трубу котельной без дыма и огня.

Мы даже не выкладывали на пол газеты. Лёха отхлебнул тоника и сказал: «Давай!»

Шурик взял ножницы. Чик-чик, и готово.

– Ой-ёй-ёй, Лёха! Кажется, я тебе ухо отрезал, – сказал

Шурик.

– Как отрезал? Я ничего не чувствую, – сказал Лёха.

– Отрезанные уши не чувствуют, – сказал я.

– Столько крови, не могу видеть столько крови, на, Пашка, стриги ты, – Шурик отдал мне ножницы.

– Я ничего не чувствую, – повторял Лёха.

– Да погоди ты, не вертись, – я протёр Лёхе ухо старой наволочкой.

Оказалось, что Шурик только немного задел мочку. Когда кровь свернулась, я протёр ножницы той же наволочкой и продолжил стричь. Не знаю, откуда у меня взялся этот навык, я просто старался не поранить Лёху. Мы молча отхлёбывали пиво, Лёха – тоник; в руках Шурика звучала гитара, в моих – ножницы.

В принципе, я и не состриг ничего, просто подравнял как смог. Лёха побежал показаться маме и заодно попросить ещё денег, типа стрижка оказалась чуть дороже. Стрижка ей не очень понравилась. Она предположила, что стриг мужчина. Лёха возразил, что это была парикмахерша, очень общительная. Мама посетовала, что неровно, особенно сзади, а стрижка-то не дешёвая. Лёха повертелся перед зеркалом и сказал:

– Действительно криво, вот же, а такая общительная была.

Она ведь мне ещё и ухо поранила. Ну ничего, пусть её бог покарает.

– Не богохульствуй!

Этот маршрут въелся в меня, как что-то, что въедается очень сильно. Этот маршрут – уже часть меня, или я часть этого маршрута. Я и есть этот маршрут, это я пролегаю... Нас трое. Я, стриженный Лёха и хромающий Шурик. Мы сами идём по себе, и я чувствую тяжесть наших тел. Но мы не идём – плывём. Я теку, как маршрут, и я же им плыву. Мы плывём мимо деда в белой кепке на левом берегу, мимо бабки в красном берете – на правом. Ива склонилась над водой на углу моего дома № 11 – здесь зигзаг, выплываем из дворов на тихую улицу Гая Дмитриевича Гая. Чтобы попасть с неё на Кропоткина, нужно забраться на берег – тут горка, на неё не заплывёшь, и потому мы уже идём. Идём маршрутом, который пролегает, а тот, что проплывает, плывёт себе дальше по территории фарфоровой фабрики, откуда мы в детстве воровали селитру, пропитывали ею газеты для «дымовух» или, смешивая с сахаром, делали «вулканчики». Фабрика у нас справа, слева старая инфекционная больница на бывшей окраине города, год постройки 1913-й: кирпичные корпуса, флигели, маленький морг (чем-то напоминает эльфау-ар клиник из моего боннского маршрута, экономившего мне 2,5 евро). Между больницей и фабрикой – улицей Кропоткина пролегает наш маршрут.

Остановись, прохожий! Что это за здание с облупленной

серой плиткой? Это же я её облупил! Не всю, может только один квадратик во времена вылазок на фабрику за селитрой, и за этот квадратик тащили меня голыми коленками по земле, в будку консьержки (или тогда это была ещё техничка), а потом составляли протокол. А пройдет лет 20, и я войду в это здание гордым молодым специалистом, консультантом «1С», и кто-то из будки мне объяснит, как идти в бухгалтерию «Геосервиса».

Но маршрут пролегает дальше. Мимо общежития иняза, где в детстве можно было видеть первых негров. К общежитию надо спускаться с горки, да-да, это очевидно, что там маршрут протекает, сворачивая к синагоге на Даумана, за теннисными кортами впадает в Свислочь. Нам же надо прямо, через шумную улицу Варвашени, которая тут перетекает в Иерусалимскую – синагога на Даумана, бетонный куб с памятной надписью, что установлен здесь навечно в честь 2000-летия и пр. – пяти лет не простоит. Но нам не туда, нам в некрасивую бетонную арку, как в трубу, в которую заключена Кропоткина. За аркой старое здание, где находилась моя детская поликлиника. За ней у хлебозавода № 2 мы поворачиваем не к церкви Марии Магдалины, там был раньше архив, который перенесли в параллелепипед из красного кирпича с узкими окнами, это было ближе по маршруту, сразу за облупленной серой плиткой.

Мы поворачиваем не к церкви, а в другую сторону, где меня однажды остановит съемочная группа «СТВ» и будет

экзаменовать по краеведению, выпытывая название улицы, с которой я свернул, и пытаться завалить меня вопросом: кто есть Кропоткин? Я есть Кропоткин! Я и есть эта улица, в честь меня названа, в честь князя-анархиста. Ой, только вы один тут это и знаете. Познал самого себя.

Едины в трёх лицах: Шурик, Лёха и я – проходим мимо контуров съёмочной группы, которая опросит меня в будущем, мимо парка с не воплотившимся ещё памятником Шевченко, мимо зубной поликлиники – огромного брикета малинового киселя. Пусть, пусть останется таким сравнение, тем более что поликлиника стоит на улице Киселёва и выйду я однажды от стоматолога в вечерний ноябрьский кисель, где все движется плавно, и я движусь аллеей, капли свисают с деревьев, церковь видна на горизонте... Но сейчас лето, и никаких капель, и, как бы меня ни тянуло назад, к церкви, мы идём вперёд, мимо парка и брикета, туда, где сразу за поликлиникой из ворот выезжают грузовики с пивом – «Аливария»! Пивзавод милостию божьей с 1864 года, если верить этикеткам на бутылках.

На пересечении Киселёва и Богдановича окнами на проезжую часть, от которой здание отделяет узкий тротуар, плоть от плоти пивзавода, стоит бар. Деревянные лавки, прилавок с вяленой рыбой и комната с жёлобом, в который по стене стекает вода – вот и всё, что сохранила моя память об этом месте. Его мы называли «Аливария», хотя никакой вывески не было.

Теперь вход туда замурован, и никто не проверит, был ли бар на самом деле или это моя память подводит меня, как подводила уже не раз. Потому я освобожу себя от выкладывания подробностей, которые могу придумать просто по инерции, мол, все столики заняты, там сидят седые усатые мужчины, мочат ус в бездонной кружке, затягиваются папиросами, обсуждают работу и своих жён, Лёха берёт нам по пиву, я уговариваю его купить нам каких-то сушёных обитателей рек-морей: сома? леща? кальмара? осьминога?

В течение первой кружки к нам присоединяются Вадим, Костя, Женька, на этот раз без фотика, и Андрей. Мы разговариваем и по очереди ходим в комнату с жёлобом. Шурик сообщает, что не поступил. Это немного огорчает. Лёха сообщает, что хорошо сдал первый экзамен. Это немного удивляет. Костя, который готовился очень серьёзно, и тот сдал хуже. Мне кажется, он недоволен Лёхиным результатом, по-

тому подтрунивает над Лёхиной причёской. Лёха отвечает, что Костя оскорбляет не его, а парикмахера. Меня это не оскорбляет. Меня оскорбляет результат Шурика. Я повышаю голос и говорю, что терпеть не могу всех этих тупых преподавателей. На меня косятся мужики из-за соседних столиков, и я понимаю, что они в общем-то вполне могут оказаться преподавателями. «Пойдём к Дубе», – говорю я.

Мы поднимаемся из-за столиков и отправляемся искать Дубу. На выходе Лёха заявляет, что хочет отлить, но Костя кричит ему, что он дурак, пусть отольёт позже в туалете возле площади Победы, нечего нас задерживать! Лёха подчиняется. Мы переходим Богдановича на красный свет, потому что не можем дождаться зелёного, и идём по Киселёва. Нас много, я обращаю на это внимание. Мы не помещаемся шеренгой на тротуар. Будь я случайным прохожим, обязательно бы перешёл на другую сторону и оказался бы не прав – нас нечего опасаться. Проходи спокойно, прохожий, пока мы идём берегом района жёлтых двухэтажек, которые строили, конечно же, пленные немцы. Мы переходим улицу Куйбышева. Где-то тут возле теперешних «Соседей» впереди начинает показываться обелиск в лесах. Он то исчезает за деревьями, то появляется, но мы этого не видим. Это я подглядел сейчас и вставил для полноты картины. Тогда обелиск показывается зря, а мы спускаемся к площади Победы.

Туалеты у площади постигла судьба обелиска – их закрыли на ремонт. Лёха смотрит на Костю с укоризной, Вадим и

я, впрочем, тоже. Ладно, говорит Костя, идите за мной. Мы входим во двор дома «Подвиг народа», во двор, где стоят бытовки тех, кто реконструирует обелиск, во двор, где лет через десять будет галерея современного искусства, а пока только какие-то обшарпанные гаражи, которые все используют с одной только целью. Довольные, мы пролазим в щель между железными стенками, пробираемся к забору троллейбусного депо и очень рады, что есть такие потайные места в городе. Мы даже, кажется, восторгаемся громче, чем нужно. Я, Лёха и Вадим. И тут слышим какое-то шуршание. Шур-шур-шур. Оборачиваемся, ожидая увидеть или Шурика, или Андрея, или Костю, или Женьку, но видим милиционера – не Дубу. Это мордатый мужик лет тридцати, который гадким голосом говорит: «Нарушаем? Выходим, будем разбираться». И шур-шур-шур в обратную сторону. Мы переглядываемся и пробираемся за ним. Выйдя, мы видим ещё двух милиционеров помоложе, один из которых Дуба. Мне становится спокойнее, он нас в обиду не даст.

И вот мы вдесятером стоим у мусорных баков: трое милиционеров, один из которых Дуба, и семеро нас. Не такой я представлял нашу встречу. Дуба пытается объяснить, что он нас знает и может за нас поручиться, нас надо отпустить, говорит Дуба. Мордатый говорит ему: «Отставить, рядовой Дубовик» – и перечисляет статьи, которые мы нарушили. Он говорит, что вообще-то нам полагается административный арест, но, так как за нас ручается рядовой Дубовик, мы мо-

жем отделаться небольшим штрафом. Мы переглядываемся и говорим, что у нас нет денег. Тогда мордатый собирает наши документы. Документы есть не у всех, я отдаю свой паспорт, Вадим – студенческий, а Лёха – удостоверение абитуриента.

– Так, что ещё за улица Гая? – глядит на меня мордатый.

Я объясняю, что это рядом, может, он знает бульвар Шевченко. Он отлично знает, известное криминогенное место наш бульвар. Я вспоминаю, что о бульваре действительно такая слава.

– Дурь-хуюрь есть? – с надеждой спрашивает мордатый.

– Разве можно ругаться, вы же милиционер, – говорит Лёха.

– Так, поговори мне тут, я тебе живо бумагу организую, куда ты там поступаешь?

Так как мордатый не может выпросить у нас ни денег, ни дури-хуюри, он грозитя отвезти нас в РОВД, на трамвае тут недалеко, уверяет он. У нас нет охоты это проверять, и мы роемся в карманах, выгребаем мелочь, Дуба грустно смотрит на свои ботинки.

– Всё, чтоб я вас больше здесь не видел, – говорит мордатый, забирает Дубу, второго рядового и уходит.

«Дурь-хуюрь», – возмущаемся мы. Как они будут нас защищать, когда сами матом ругаются? Мы подсчитываем оставшиеся деньги. Не так и много. Направляемся в магазин, проходя мимо бытовок, натываемся на папу и его друга Кузю. Он, оказывается, всё видел и теперь спрашивает, чего они от нас хотели. Я и Шурик вынуждены задержаться – родственные узы. Лёха остаётся за компанию, остальные идут в магазин, мы договариваемся встретиться в парке Горького.

Отец с Кузей заметно навеселе, поэтому не замечают, что и мы не очень трезвые. Мне почему-то не хочется, чтоб отец думал, что я тоже могу выпить. В нас очень мало сходства, мы совсем непохожи.

Кузя ниже отца на целую голову. У него лысина и рыжая бородка, как у Ленина. Он со всей силы хлопает меня по спине, говорит: «Не горбься» – и хохочет. Кузю зовут Толик, но фамилия у него – Кузьминых. Кузя живёт на пятом этаже бывшей папиной башни. Его родители давно умерли, у него в башне висят их чёрно-белые фотографии, а под ними вырезанный из газеты заголовок «Иван да Марья». У него в башне есть синяя овальная табличка «Улица Гая, 11», несколько вилок из нашего дома и одно небольшое полотенце. «Кузя, ты знаешь, что ты клептоман?» – говорит мама, отыскивая наши вещи у него дома. Кузя знает. Однажды мы заберём

свои вещи в последний раз. Близких родственников у Кузи нет, а дальним всё равно, что станет с его добром. Они просто продадут его квартиру...

Я не знаю, как и зачем Кузя попал в мой рассказ. «Скульптор Кузя живёт на вокзале, там, где башен высокий пролёт», – написал кто-то.

Мы пытаемся отвязаться от отца. Но они с Кузей идут с нами в переход под площадью Победы.

– Я сегодня домой приду, – говорит папа.

– Пап, к нам сегодня гости из Бельгии приезжают, – отвечаю я.

– Пашка, давай наперегонки! – кричит Лёха, и мы бежим по круговому переходу, на полу которого по неизвестной причине нарисованы беговые дорожки.

Мы делаем круг, проносясь мимо панков, которые даже не успевают стрельнуть у нас сигарету, и догоняем Шурика, папу и Кузю у янтарного венка. Из этого зала с венком можно выйти к обелиску, но сейчас выходы из-за ремонта закрыты. Кузя хлопает Лёху по спине и предлагает нам залезть на обелиск, чтоб посмотреть на вечерний Минск. Мы против, но Лёха говорит, что сейчас вернётся. Возвращается он быстрее, чем можно было ожидать. Они сходили с Кузей к обелиску, но лезть без нас Лёхе было скучно, и он вернулся.

Нам удаётся отвязаться от папы с Кузей, и мы идём в парк Горького, где нас ждут Вадим, Костя, Андрей и Женька с тремя бутылками «Ранета» – это всё, на что хватило остатков

денег. Мы пьём за здоровье мордатого, потом лежим среди сосен, моя жёлтая куртка испачкана в земле, у неё надорван карман. Когда темнеет, мы выходим на горбатый мостик у планетария и «отливаем», как выражается Лёха, с мостика на проходящую под ним дорожку.

– Дуба! Приди и арестуй нас! – кричим мы на весь парк.

Я теперь часто смотрю на свой район глазами иностранца, которому сам же провожу экскурсии. Раньше я был частью района, которая особо в себя не всматривалась. Как-то я вернулся после долгого путешествия и понял, что взгляд мой изменился.

Днём везде стоят машины. Вечером и по выходным их не будет здесь ни одной. Их рассовывают вокруг моего дома банковские работники (количество банков тоже увеличивается). В обед банковские девушки прогуливаются, держа в руках кошельки и мобильники. Обрато возвращаются с булочкой или глазированным сырком. Дворы домов, что построены на месте наших заброшенных спортплощадок, огорожены коричневой решёткой. За воротами в деревянной будке сидит консьерж и смотрит телевизор, по ночам светится его окно. Где-то тут живет крупный госчиновник, там – работник иностранной фирмы, для которого снимают жильё: в месяц уходит годовая пенсия моего отца, который иногда заменяет одного из консьержей. И все эти люди ходят теми тропками, что вытоптали для них мои друзья. Я и мои друзья.

Мы возвращались из парка той же дорогой: площадь Победы, перекрёсток с «Аливарией», зубная поликлиника, фарфоровая фабрика и инфекционная больница, тихая улица, дом с ивой на углу. Пьяные, весёлые и без денег – именно такими мы были в тот вечер, и именно такими нас впервые увидел Крис Мартин, бельгийский гитарист, безнадёжно влюблённый в свою беглую жену.

Крис Мартин сидел на скамейке у подъезда, рядом с ним сидела его новая подруга, тоже почему-то Катя. О ней позже, а пока – сцена встречи!

– Хай, Крис!

– Хай, Саша!

– Итс май френдз!

– Итс Катся.

– О, ё вайф!

– Ноу, шыз май фрэнд.

– Сори, то-то я думаю, не похожа.

Мы пьяно обнимались, а Крис не противился, полагая, что итс аур традишн.

Поднялись в квартиру, Крису показали его комнату. Мы сделали ремонт к его приезду. Крис говорил, что пробудет месяц, понимает, как нас стесняет, потому за комнату готов заплатить. Я загнул уже не помню какую цену, исходил из

представления, что бельгийцы будут побогаче нас. Крис не торговался, поэтому я был уверен: деньги не проблема.

Крис с Катей собирались помыться, однако горячую воду как раз отключили на месяц. Мне стало неловко за ту цену, что я назначил. Пока мы грели воду и обменивались информацией о том, как живут люди в Бельгии, Беларуси и Литве (новая подруга Криса была оттуда), кто-то из нас вызвался сходить в «Престон» за едой и вином.

«Только, Крис, у нас нету денег», – сказал я, попытавшись пересказать эпизод с ментами на пл. Победы. «Йес, шур», – сказал Крис и дал какую-то купюру. Сигарет у нас тоже не было, и мы курили сигареты Криса. Он курил тонкие. «Крис, кури здесь, прямо на кухне», – предложил я, подумав, что это компенсирует отсутствие горячей воды.

У нас не было определённого лингва франка, но все мы как-то друг друга понимали. Крис знал французский и английский, которые мы с грехом пополам учили в школах, Катя кое-как говорила по-русски, плюс разнообразные жесты нам всем очень помогали.

Из разговора стало понятно, что это за Катя, которая не вайф. Оказывается, как только Криса бросила жена, он бросился топить своё горе в интернете как умел: беседуя с девушками по айсыкью. Ближайшей к Минску собеседницей была девушка из Вильнюса, имя которой поразительно напоминало Крису имя его жены. Крис был человек открытой души, за один разговор он выкладывал про свою лич-

ную и публичную жизнь всё. Вскоре Катя из Вильнюса знала счастливую историю несчастной любви Криса, а также то, что он успешный музыкант, гастролировавший однажды по Японии. Кстати, а не умеет ли Катя из Вильнюса петь? Ну так, немножко. Спой, пожалуйста! И тут оказывается, что Катин голос подходит идеально. Я как раз собираю группу, у меня в Минске есть на примете хороший музыкант, давай съездим, я плачу, заодно узнаем, чем занимается моя жена. Да, конечно, почему бы и нет, отвечает Катя из Вильнюса.

Из «Престона» принесли вино и пельмени. Крис спросил: «Что это?» Ему ответили. «Пельменья? О, грэйт, традишнл фуд».

И вот мы едим традишнл фуд, пьём вино, курим тонкие сигареты. Но чего-то не хватает – музыки! Мы достаём гитары, баян и бубен, Крис приносит из машины фендер и порто-студию, напоминающую гигантский микшер. Мы подключаемся и начинаем играть. Отлично, заводится Крис, вот оно! Это моя группа! Катя, пой. Но Катя стесняется и не поёт. Я прошу играть тише, потому что свеж ещё в памяти визит бабки. Давайте, говорит Крис, давайте разучим песню, которую я посвятил Катсе, мы смотрим на Катю, но Крис говорит: о нет, не ей, шыз май фрэнд, я посвятил эту песню май вайф. Подыгрывать не сложно. Ах, как жаль, что она не слышит, расстраивается Крис, давайте её позовём.

Крис, но ведь уже поздно, говорю я. Ничего страшного, отвечает Крис и протягивает мне номер.

Когда очередную песню Криса прерывает звонок в дверь, я сижу и гадаю, кто бы это мог быть: бабушка в красном берете или жена Криса? Но это пришёл папа.

– Знакомься, папа, это Крис из Брюсселя, а это Катя из Вильнюса.

– Добрый вечер, Крис, – они пожимают руки, – красивая у вас жена.

Крис не понимает.

– Жена красивая, вайф.

– О, ноу, это не моя вайф, шыз май френд, – уточняет Крис, объясняет, что вайф уже в пути, но папа его не понимает.

– О, пельмешки, разрешите?

Ему накладывают пельмени, Крис наливает вина. Папа просит сигарету.

– Пап, у Криса только тонкие.

– Не страшно.

– Пап, ты помнишь, о чём я тебе сегодня говорил?

– Помню-помню, вот поем и пойду дальше, ну и дети у меня. Крис, у тебя есть дети?

У папы с Крисом разные языки, но один и тот же возраст, наверное, это помогает им что-то понять, они говорят достаточно долго. Поев, папа говорит:

– Окей, Крис, можно ещё сигаретку? Отличная у вас жена. Ну я пойду, до встречи.

Он задевает плечом холодильник, потом в коридоре долго возится с замком.

– Пашка, давай поможем, – предлагает Лёха.

Помогаем папе спуститься с лестницы. Он уходит, а мы с Лёхой остаёмся курить у подъезда. Лунный свет падает на треугольные крыши хрущёвок, на вентиляционные трубы, торчащие, как парижские дымоходы. Минский Пляс дэ вож, вот что бы это могло мне напомнить.

– Пашка, я влюбился, – сообщает Лёха.

– В кого?

– В Катю.

– А Крис тебя не смущает?

– Всё нормально, он женат.

Лёха часто влюблялся, и, если избранница отвечала ему взаимностью, он либо забивал на неё, либо трагически признавался, что он-де пропащий человек, у их любви нет будущего, как жаль.

Подъехало такси, из которого вышла девушка. Она постояла немного, потом направилась к машине Криса и стала что-то высматривать в салоне.

– Что вы забыли в машине моего друга? – спросил Лёха.

– А, так это к тебе Крис приехал?

– Нет, он приехал к нему, – указал на меня, – но это всё равно что ко мне, – гордо сказал Лёха.

– Какая у тебя стрижка смешная.

Лёха сразу рассказал, кто был парикмахером. Катя – а это была жена Криса – сказала, что это поправимо, Лёха может приехать к ней завтра в парикмахерскую «Рагнеда», мы должны знать, где это. Лёха ответил, что у него нет денег на парикмахерские, всё ушло на вино.

– И на пельмени, – добавил я.

– Разве можно брать деньги с такого красавчика? – Катя потрепала Лёху по щеке.

– Как это вы разглядели, – засмутился Лёха.

Катя спросила, где её муж. Лёха сказал, что должен предупредить об одном обстоятельстве. Что такое? Её муж приехал с подругой. А, ну так даже интереснее, идём.

Кате досталось несколько холодных пельменей и горячая песня Криса. Мы снова играем, Лёха остервенело дёргает струны басухи, в паузах смотрит на жену Криса. Когда мы заканчиваем, Крис в тишине произносит: «Иитс фо ю». Катя смеётся и, обращаясь к Лёхе, говорит: «Он мне уже целый альбом этих песен написал, что мне с ними делать? А где моё обещанное вино?»

Но вина больше нет. «Я сбегая?» – подрывается Лёха, неловко прислоняя басуху к плите. Басуха сползает по ручке духовки и бьёт грифом по колену Кати из Вильнюса. Катся смеётся и предупреждает, что нужно всегда быть готовой к неприятностям, если ты гёрлфренд Криса. Шыз нот э гёрлфренд, шыз май френд. Катя из Вильнюса потирает свою но-

гу и не знает, что сказать.

– Крис, а что, если Лёхе такси вызвать? – интересуется Шурик. – Так гораздо быстрее.

– Никаких такси, – говорит Катя. – Парни, Крис не такой богатый человек, как вы подумали, он бедный музыкант, же-на которого должна экономить каждую копейку.

Она предлагает свозить Лёху на машине Криса. Она даже ключи из сумочки не выкладывала, как знала.

Катя и Лёха уходят.

Крис говорит, что Лёха – плохой басист, он не попадает в ритм. Настаивает, чтоб на басу играл Вадим. Вадим берёт басуху, Шурик с Крисом на гитарах, я бью в бубен, просто потому что не очень верю в эту идею с группой, Андрей с Женькой – наши преданные слушатели.

Мы запишем альбом, обещает Крис. С этой портостудией можно сделать всё что угодно. Кстати, обращается он ко мне, я хотел бы её продать, ты не знаешь, как это сделать?

Знакомим Криса с песнями молодости нашей. «Чиж», «Чайф», Борзов, Limpkin Park, Link Bizkit, верхом на звезде, бутылка кефира полбатона, танцы минус, верхом на звезде, кони на балконе, курим тонкие сигареты.

Долго так продолжаться не может, вот уже кто-то жмёт кнопку звонка. Мы бросаемся открывать Лёхе и Кате, но на пороге, конечно, не они. Дуба.

– Дууба! – орём мы. – Предатель!

Дуба делает страшные глаза и шипит на нас, чтоб мы за-

молчали.

– Заткнитесь, идиоты, на вас милицию вызвали.

Мордатый с напарником остались внизу, Дуба убедил их, что разберётся сам, потому что знает нашу квартиру. Мы шёпотом предлагаем ему зайти выпить. Он оглядывается и заходит. Но вина нет, мы забыли, есть только остаткипельменей.

– Эх вы, оболтусы, – Дуба в один присест доедает пельмени и торопится, чтоб мордатый чего не заподозрил.

На лестнице он встречает Лёху с Катей.

– А, герой-любовник и его новая пассия, смотрите не шумите там, а то вернусь, – бросает им Дуба и оставляет в растерянности перед дверью.

Мы разливаем вино. Лёха берёт басуху. Я говорю, что мы больше не играем и не поём – соседям не нравится наша музыка. А Крис добавляет, что Лёха больше не член группы. Лёха огорчается. Его успокаивает Катя: моделью быть лучше, чем басистом, поверь жене бедного музыканта. Она ещё раз зовёт Лёху на стрижку, завтра с утра и приходи, какой-то там у них будет конкурс. Она говорит это, потом приобнимает Лёху и чмокает в щёку. Крис тогда обнимает Катю из Вильнюса и чмокает в щёку её. Так они и застывают, эти пары друг напротив друга, Крис с Катей смотрят друг другу в глаза, а Лёха с Катей из Вильнюса смотрят в стол.

Вечеринка закончилась. Крис с Катей из Вильнюса заперлись в маленькой комнате, Андрей, Костя и Женька ушли, Шурик с Вадимом – на кухне, а мы с Лёхой курим на балконе.

– Пашка, я влюбился.

Луна, сверчки, комары.

– Да, я помню.

– Да нет, в жену Криса.

– А как же Крис?

– Она его не любит.

– А тебя?

Лёха быстро вырубился, спал крепко. Шурик, Вадим и я от нечего делать разрисовали лицо Лёхи чёрным маркером. Усы, борода, синяк под глазом – фантазии было немного. Утром Лёха проснулся, посмотрел на часы, понял, что опаздывает, и, не глянув в зеркало, побежал в парикмахерскую.

Текут мои реки по трубам, улицы окольцованы арками многоэтажек. Недавно я обнаружил вторую Немигу. Вот же она – рядом с моим домом. Вытекает из комаровского болота дружбы народов, мимо трубы котельной, омывает берег, на котором стоит мой дом на набережной, дальше на её пути фарфоровая фабрика, архив из красного кирпича, общежитие иняза, резкий поворот, трамвайные пути – и вот она уже впадает в Свислочь.

Когда берега, оставшиеся от реки, заносило снегом, мы использовали их как снежные горки. Мы карабкались по ним вверх с санками и спускались вниз на санках каждый зимний день. Летними ночами, когда мы не могли спать из-за комариного звона, то включали свет и охотились за ними с газетами и тряпками, оставляя на белом потолке красные полосы и пятна нашей крови. И тогда мама или папа обязательно говорили, мол, конечно, построили дом на болоте, построили дом у реки. И тогда почему-то не приходило в голову спросить, что за болото, что за река? Ну а если даже и спросишь, то они ответят, ну как что за болото, старожилы вон говорят, болото, значит было что-то, а комары, по-твоему, откуда?

Переспа. На Переспѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла.

А эти грозы? В конце весны и начале лета. Воды из туч было так много, что она переполняла коллектор, и наша река выходила из-под земли. И три одинокие машины – «москвич», «жигули» и «запорожец» – припаркованные прямо в реке, покачивались на волнах, когда мимо них проплывал фургон с надписью «Хлеб». Когда вода уходила, хозяева загоняли свои машины во двор, вынимали из них сиденья и просушивали на солнце.

Всё это я вспомнил, когда рассматривал старые аэрофотосъёмки Минска. В интернете нашлись американская и немецкая, услугами отечественных ателье город не пользовался. Американский спутник пролетал тут в 1964 году и заснял рождение моего района. Вот они прорезаются, мои хрущёвочки, четвёрки-пятёрки. Если прибавить зума, то видно, что мой дом стоит на краю канала. Немецкий самолёт пролетел в 1944 году, на месте моего района отчётливо видно тёмное русло реки, которая соединяет реликтовое болото дружбы со Свислочью в районе озера. Некрасиво, надо в трубу. Меньше комаров, здоровый климат, терраформирование.

Немига – это станция метро, Переспа – трамвайная остановка.

Лёха стал ходить в «Рагнеду» к Кате. Там подвернулся какой-то конкурс парикмахерского мастерства, чемпионат по парикмахерскому искусству: «Мастер стиля», «Белорусский колорит», «Стиль и красота – 2002» – всё подходит. Катя стригла Лёху, мыла голову над специальной раковиной («Не горячая?» – «Идеальная!»), покрасила Лёху в белый.

Мы подкалывали его за причу и за Катю, но Лёха только отмахивался. Он был моделью и поступил в лучший вуз страны – мог себе позволить.

Поступили все, кроме Шурика. Костя оказался в одной группе с Лёхой. Институт Жентоса назывался МИТСО, но он говорил «говнитсо».

Отмечали на даче у Вадима. Полный состав памятью не сохранён. Есть обрывочный бортовой журнал, который дошёл до наших дней. 18:15 – отчалил автобус, пробел, 2:00 – колбасит и плющит. Лёха спал на бильярде, в 5:00 я пошёл пить чай и делать роллтон. Огромная запись Лёхиным почерком со словосочетаниями «тропа судьбы» (это про неожиданное поступление), «в полном коматозе», «голова раскалывается от радости». Дальше он описывает, что мы уснули, а ему, как назло, перехотелось. Он бибикал в «жигулях» и думал, что был самым большим раздолбаем в классе, никто не верил, что он вообще поступит, а тут – самый пре-

стижный вуз.

«Так я и лежал в «жигулях», и уже никто не мог разделить сменяющие меня радость и гордость».

За Катину стрижку Лёха получил утешительный приз «Надежда нации», лучшая модель второго плана среди юниоров, что-то такое. Он посчитал, что уже достаточно сблизился с Катей, чтоб признаться ей в любви. Он именно хотел ей признаться и готовил черновик речи.

Крис всё пытался вызвать ревность в своей жене, приглашая её на совместные встречи с новой Катей. Но, по-моему, мало преуспел. Катся приходила через раз. Крис выходил из дому только на эти свидания и в «Макдо», где его спутница соглашалась есть. Иногда он приходил к нам на репетиции, всё ещё обещая записать великий совместный альбом.

Вот и сейчас Шурик зашёл за Крисом в надежде, что поедет на машине. «Крис! – стучал Шурик в дверь его комнаты. – Поехали, Крис, порепетируем». Но в комнате делали вид, что никого нет дома. Шурик не сдавался, и тогда услышал голос Криса, что сегодня нет, сегодня у него вечером гости. Жена твоя, что ли? Так она с Лёхой путается, ну её. Тут-то дверь и открылась. По словам Шурика, Крис был без трусов, с болтающимся между ног пенисом. Как это ты говоришь, Саша? Тогда тем более я должен её дожидаться. Шурик пошёл пешком.

Репетиция не задалась. На улице моросил дождь, небо в тучах, сидели при электрическом свете. Шурик, Вадим и я пытались что-то сыграть, менялись инструментами. Подошли Лёха, Костя и Жентос. Лёха хотел поиграть на «Корге», но Маевский не разрешил. Он вообще был какой-то беспокойный, не играл нам джазовых линий и всё спрашивал, когда мы закончим, какое-то у него намечалось мероприятие.

Мы ждали Дубу. Он пришёл в увольнительную и обещал купить всем пива, отец дал ему денег. Наконец Дуба пришёл с сослуживцем, который вконец обеспокоил Маевского. Высокий и бритый, он был нам не близок, но Дуба всегда выбирал себе в друзья очень разных людей. «Адольф», – представился сослуживец, и мы не стали уточнять, псевдоним ли это. Он попросил гитару и сыграл на ней «Границы ключ переломлен пополам», потом направился к синтезатору. Как раз подошла техничка с обходом. Её мы в детстве дразнили гражданкой Петровой и скрывались в лабиринтах дворца. Она неодобрительно посмотрела на Адольфа, на синтезатор и напомнила Маевскому, что мы последние, кто остался в этом пионерском дворце у озера. Маевский буркнул, что прекрасно знает, который час, и нервно выключил свет.

Мы вышли под дождь. Магазин был рядом, и вот мы уже на берегу, под тополями с бутылками какой-то «Крыницы» или «Аливарии».

Вот оно, наше серое озеро, в котором отражаются наши серые облака. Вот он, наш серый дождик, и ветер шатает деревья на острове, куда так просто доплыть на двух четырёхместных катамаранах. А вот мы на двух ржавых катамаранах под серым дождём: право руля, лево руля, юнга, отдать швартовый! У Адольфа с собой полторашка спирта, его мама работает в больнице или ларьке. И вот кто-то уже блюёт, кто-то в отключке. Нас эвакуируют спасатели в дырявой лодке. Ребята, кто из вас вырастет? Музыканты! Не верите? Спросите

у пионеров в их дворце, мы там репетируем. Мимо дворца в сторону конечной проезжает старый рижский трамвай. Сейчас он развернётся и повезёт нас до «Престона». Но только Костя, Вадим и Жентос больше не могут пить, они пойдут домой, Лёха не может говорить, и его ведут домой. Мы же едем в дребезжащей «тройке», я, Дуба, Шурик и Адольф. Адольф приглашает нас в гости в Серебрянку, трамвай доведёт нас прямо к его дому, его мама на работе в больнице или ларьке. Да-да, Адольф, мы с тобой, давай затаримся в «Престоне». Но Шурик говорит: лучше вы с Дубой в «Престон», а мы с Адольфом поедем сразу, приготовим там всё, а то что-то у меня пятка болит выходить.

«Прыпынак «Тэатральная», – будет фальшивить на этом месте голос ведущего радио «Культура» через пару лет, а пока двери трамвая открываются в молчании. Напротив – «Белинвестбанк» неудавшейся реконструкции и развития, справа – бывший кинотеатр «Спартак», реконструированный в Молодёжный театр, слева – через Кропоткина – Театр белорусской драматургии, республиканский. По законам белорусской республиканской драматургии на остановке ожидают папа и Кузя. В то время как мы бродили по таинственному острову, они сидели в таинственной бытовке, и результат у нас и у них был одинаковый: надо было пополнять запасы провианта. А так как в ночное время запасы минского провианта можно было пополнить только в магазине «Престон» на прыпынку «Тэатральная», что будет произнесено

ведущим радио «Культура» из трамвайного динамика только через пару лет, то законы драматургии привели нас в одно и то же место, в одно и то же время, в чёрном-чёрном городе, чёрной-чёрной стране.

Бля, думаю я, опять папа напился. И тяну за рукав Дубу, который уже собирался здороваться по всем приличиям. Осторожно, двери закрываются, и у Шурика теперь есть две остановки, чтобы познакомить Адольфа с папой и его другом скульптор-Кузя-живёт-на-вокзале. А у скульптора Кузи есть две остановки, чтоб рассказать про обелиск в лесах и позвать Адольфа с Шуриком в бытовку во дворе «Подвига народов».

Когда мы с Дубой выходим из «Престона», оказывается, что мы не знаем, куда ехать. Адольф живёт в Серебрянке – это понятно, но адреса у нас нет. Тогда мы идём по адресу Дубы и там засыпаем, потому что пить уже не хочется, да и не с кем.

А тем временем Шурик с Адольфом идут между панельками Серебрянки. Шурик рассказывает, что у нашей мамы живут три кота, Адольф говорит, что котов терпеть не может. Поубивал бы всех, он показывает Шурику нож. Они молчат до подъезда. Ну а в подъезде как раз сидит кот, который ждёт, когда кто-то откроет дверь. И этим кто-то оказывается Адольф. «Ах ты сука!» – орёт Адольф и бежит за котом.

Шурик сначала ждёт у подъезда, затем ждёт в подъезде, но так как Адольф не возвращается, то решает заноче-

вать на площадке между этажами. В рюкзаке отыскался пакетик Криса, которым можно было согреть руки. Шурик так и уснул с этим пакетиком в руках. И если бы в эту ночь было совершено преступление, никто не смог бы подтвердить, что у Шурика есть алиби.

Дальнейшее я восстанавливаю по рассказам Дубы, а Дуба – тот пересказывал разговор с Адольфом.

Адольф гнался за котом, но в какой-то момент понял, что силы не равны. Кот знал, куда бежит, а Адольф – нет. Невдалеке виднелась остановка, и Адольф подумал, что ему надо на остановку. Сидя на скамейке, он понял, что Дуба не знает адреса и надо ехать назад. Как раз подъезжал всё тот же трамвай, и если бы Адольф в прошлый раз пробивал талончик, то мог бы теперь легально ехать бесплатно.

В трамвае рассудок стал потихоньку возвращаться к Адольфу. Он рассудил, что мы с Дубой вряд ли ещё торчим на «Престоне». Наверняка уже у кого-то дома. Но он припомнил, что Шурик познакомил его с нашим папой, который сейчас сидит в каких-то бытовках рядом с площадью Победы, где реставрируют обелиск и собираются включать газ в Вечном огне нашей и вашей свободы.

Адольф перебежал мокрый блестящий проспект в неположенном месте и углубился во дворы «Подвига народов». Отливая, как сказал бы Лёха, рядом с детской площадкой, он заметил ту из бытовок, у которой светилось окно. Кузя уже спал, папа не помнил, кто такой Адольф, но ему было всё равно с кем допивать пивом-душу-не-обманешь.

– Мне нужен Дуба, – говорил Адольф.

– Какой ещё Дуба, из милиции?

– Я сам из милиции.

Он был с вашим сыном, нет, не с тем, с другим, говорил Адольф. И вот они решают, что им надо идти на Гая, мы с Дубой, скорее всего, там, а папа заодно поспит в домашнем уюте. Уже под утро они заползают на второй этаж, звонят, а потом стучат. Крис надевает трусы и подходит к глазку, видит лысого пьяного Адольфа. Пытается выяснить, что ему надо, видимо, он не туда попал. Туда-туда, орёт Адольф и достаёт из кармана нож. Дубу мне зови! Вспарывает кишки старой дверной обивки. Рядом что-то кряхтит папа, мол, не надо портить дверь, но Крис его не видит. Он мчится к Кате и просит её вызвать милицию, потому что за дверью убийцы.

Наш район снова патрулирует отряд под предводительством мордатого. Тот очень удивляется, увидев Адольфа без милицейской формы. Мордатый предлагает Адольфу идти домой от проблем подальше. Здесь мы прощаемся с Адольфом, его мы больше не увидим. Мордатый загребает папу в участок, нечего мирным людям двери портить. Папа пытается сказать, что это его дом, он пришёл поспать. Мордатый говорит, мол, поспишь в РОВД, а потом разберёмся, где твой дом.

В камере, куда приводят папу, сидит маленький кривой мужичок. Как только дверь за папой закрывается, тот подбегает, протягивает руку и представляется:

– Митяй!

– Саша, – отвечает папа и ложится.

Крис и Катя слишком взволнованы, чтобы спать дальше. Катя от стресса захотела есть, Крис захотел кофе.

– Давай съездим в «Макдо», дарлинг, – предлагает Катя.

Крис не против.

Они выходят из подъезда и не могут поверить своим глазам: машины нет. Там, где они её оставили, стоит какой-то синий «запорожец». Они обходят весь двор, выходят на улицу, но на тех местах, где могла бы стоять машина Криса, стоят другие машины или не стоит никаких. Нестерпимо поют птицы, рассеиваются тучи и восходит солнце, а граждан Евросоюза ничто не радует. Конечно, до «Макдональдса» можно пройти за 15 минут, но никто уже не думает ни о еде, ни о кофе.

Утром гражданка Петрова (вас ждёт колобок! – ну и дразнилки) обходит Дворец пионеров, прогуливается по лабиринту коридоров: тут поворот, тут закрыто, тут минотавр, тут опять закрыто, а это что такое? Открыто! Дверь в кружок Маевского открыта. «А может, взломана?!» – думает гражданка Петрова. Ага, вот здесь вчера лысый хулиган стоял, а здесь был синтезатор – где он? Преступление, кража.

А Шурик просыпается от того, что в подъезде начинают стучать двери. Он выходит на улицу, солнышко, птички, Серебрянка, остановка трамвая, эх, тройка! кто тебя выдумал? Куда несёшься ты? Якубова – Плеханова – Долгобродская – Козлова – Варвашени – Старовиленский тракт – Озеро. Шурика смаривает. Его лицо прислоняется к окну, тройка дребезжит, на лбу будет синяк.

Гражданка Петрова разговаривает с милиционером. Это опять Мордатый. Его молодые приспешники стоят чуть поодаль, записывают. Пропал синтезатор, Маевский выключил свет, хулиганы. Кого подозреваете? Звонят Маевскому – нет дома. Так-так-так, разберёмся. Гражданка Петрова сдаёт смену. Мордатый берёт её под руку и провожает к трамваю. Птица-тройка. Вот он! Прислонившись к окну на Мордатого, на его приспешников, на гражданку Петрову смотрит спящий Шурик. «Его подозреваю!» – волнуется граж-

данка. Двери закрываются, и трамвай отчаливает в направлении РОВД. Мордатый бросает гражданку Петрову и бежит с приспешниками за тройкой прямо по трамвайным путям. «Прыпынак Веры Слуцкай», – скажет когда-нибудь на этом месте голос ведущего радио «Культура», милиционеры забегают в вагон, Мордатый трясёт Шурика за плечо. «Оплачиваем за проезд», – думает Шурик спросонья.

Ага, старый знакомый, говорит Мордатый, бульвар Шевченко, да? Где ночевал? На лестнице, отвечает Шурик. Знакомый за котом убежал, я остался. Лысый? Кто лысый? Знакомый твой? Да. Ну всё, ты приехал. Канцавы прыпынак – Возера. Куда? Пошли-пошли, тут недалеко уже. И тащат Шурика в РОВД.

– Митяй! – подбегает мужичок в камере.

– Саша, – здоровается Шурик.

– А здесь уже есть один Саша, – говорит Митяй, показывая на койку.

– Папа?

Пустой трамвай развернулся на кольце под названием «Возера», постоял на светофоре у РОВД, забрал сонных пассажиров на Веры Слуцкай, поплёлся Старым Виленским трактом мимо магазина «Лакилакикраски», мимо магазина фотохимреактивов, проявителей, закрепителей, фиксажей кислых, плёнок «Свема» и «Тасма», фотоаппаратов «Смена» и «Агат», нет-нет, привиделось, это раньше, сейчас там мебель, потом будут продукты, накорми всю Сторожовку из пяти магазинов. У Дворца пионеров тройка подобрала гражданку Петрову, давно уж ждёт её колобок, молчит себе, и не скажешь, что преступление раскрыла, смотрит на синагогу на Даумана и не знает себе, что это главная синагога, как она вообще может понять, что это синагога? Откуда ей помнить, что под трамвайными путями течёт Переспа и впадает в Свислочь сточным каналом? А вот с церковью всё понятно, вот вам крест, Марии Магдалины, какой архив? А булочками почему пахнет? Молодёжный театр, какой «Спартак»? Деконструкция и деградация, белорусская республиканская демиургия, постоянный ресторан, сказочный замок, ночной магазин, Белая вежа, завод на горизонте, трамвайно-троллейбусное депо, красненькое, обелиск из луксора со звездой героя, океан, облицованный чешуёй жестяной рыбы – нет, не могли бы, не хотим будить гражданку. Трамвай гремит на

кольце имени Самуила Хаимовича Змитрака Плавника-Бя-
дули.

Лёха проснулся от звука трамвая. Окно незнакомой ему комнаты выходило на трамвайную развилку: туда – вокзал, сюда – Серебрянка. Лёха видел магазин «Океан», троллейбусное депо, а за ним завод «Горизонт». Левее из строительных лесов торчала звезда города-героя. Лёха оделся и пошёл изучать квартиру.

Коридор как коридор, вот тубзик, бачок теряется где-то под потолком, к нему тянется шнур. На полу старая плитка, терракотовая и белая, можно играть в шахматы. Ванну он нашёл на кухне, можно мыться и смотреть на город. Лёха включил воду и попил из-под крана.

Слышно было, как открылась дверь, кто-то вошёл в квартиру. Лёха сел за стол и стал ждать. Вошла Катся.

– Ну что, выспался?

Кате пришлось рассказать, что произошло прошлой ночью, Лёха помнил только остров и дождь. А помнит ли он, что они были в гостях у Криса?

– Кто?

– Ты и я.

– Вдвоём?

– Ну, ещё эта была, из Литвы.

– А Шурик, Вадич, Пашка? Остальные?

– Они вели тебя домой, мы встретились во дворе. Твои

друзья сказали, что ты перебрал, но вообще ты не выглядел пьяным. Ты сказал, что дойдёшь сам, только вот покуришь, и попросил у меня сигарету.

– Ясно.

– Твои друзья ушли, а я подумала, что не хочу идти в гости одна. Мы пошли вместе.

– А дальше что?

– Дальше Крис зажёл свечи, нарезал сыр и налил вина. Наложил им пельменей. Всё как обычно. Разговор был такой, будто Лёхи и литовской Кати рядом не было. Крис решил вспомнить их свадебное путешествие и песни, что он тогда сочинил.

Лёха сказал, что Крис очень круто играет на гитаре, хотел бы он играть так же. Крис не обратил внимания на эти слова, хоть Катя и перевела их.

Когда песни слишком затянулись, Катя решила узнать, когда они собираются возвращаться в свой Евросоюз нерушимый.

– Дарлинг, ты же знаешь, что я приехал за тобой. Ты моя жена, я люблю тебя, мы должны быть вместе, тугеза, райт нау.

Тогда Катя сказала: всё, что было между нами, Крис, это не было любовью, а я хочу любви, понимаешь.

Это взбесило Криса. «Нет, дарлинг, ты не хочешь любви, ты хочешь денег. Настоящие чувства для тебя ничего не значат. Вот что такое настоящие чувства», – и начинает цело-

вать офигевшую Катю из Литвы, а Катся тогда начинает целовать офигевшего Лёху.

– Жаль, что я этого не помню, – огорчается Лёха.

– В общем, он нас выставил. Я была так зла, что решила вернуться домой на его машине, ключи-то до сих пор у меня. А так как ты толком не мог объяснить, где живёшь, то мы поехали ко мне.

– И мы что, спали вместе? – удивляется Лёха.

– Ха-ха, Лёша, ты же несовершеннолетний!

– Я совершеннолетний!

От вчерашнего дождя не осталось и следа. На улице снова было жарко, все лужи высохли. Лёха с Катей зашли в парк Горького со стороны планетария. Лёха высокопарным слогом рассказывал историю про то, как нельзя совершать мелкое хулиганство во дворах у площади Победы, но на горбатом мостике у планетария – пожалуйста. Кстати, где тут туалет, говорит Лёха. Вот же мостик, советует Катя. Ну нет, я не могу писать при девушке, которая мне нравится. А я тебе нравлюсь?

Из кафе неподалёку раздавалась синтезированная гармошка:

*наш Лёшка бабник
наш Лёшка бабник
но даже время мне не сможет помешать
а кто не бабник?
а кто не бабник?
упав с ночных небес скорей тебя обнять*

Что там? Свадьба? День рождения? Судя по мундирам гостей, какой-то День милиции. Лёха идёт внутрь и видит, что даже музыканты одеты в милицейскую форму. На мгновение Лёхе кажется, что рулады из синтезатора извлекает Ма-

евский. Синтезатор почти тот же, что во Дворце пионеров. И Маевский почти тот же. Лёха машет ему рукой. Маевский испуганно смотрит на Лёху и машет в ответ, мол, проваливай. Лёха идёт в туалет, а когда возвращается, оркестр уже не играет. Музыканты-милиционеры курят на улице. Лёха подводит Катю к Маевскому. Вот, знакомься, Сергей, это моя подруга. А ты чего тут, играешь? «Корг» прихватил? Играю, заикаясь, говорит Маевский, а про синтезатор ты особо не распространяйся, понимаешь? Ладно, кому он нужен, твой синтезатор. Маевский ещё что-то шутит по поводу Лёхиной причёски и уходит играть второе отделение для милиционеров.

Катя покупает Лёхе сахарную вату. Лёха просит взять джин-тонику. По набережной ходят мамы с колясками. У музея РСДРП какая-то экскурсия. Хотя нет, нету там никакой экскурсии. И мам с колясками тоже нет. Вокруг пустынно, и даже скамейки с видом на ремонтobelиска все свободны. Лёха с Катей выбирают одну из них и наслаждаются видом.

– Катя, – говорит Лёха, – я долго готовился к этому моменту. Я знаю, что от этого момента зависит вся моя жизнь, что-то важное должно сейчас произойти.

– Лёша, ты меня пугаешь.

– Не бойся. Мне надо сказать очень важные слова, но всё вылетело из головы. А я ведь готовился, правда, готовился.

– Всё, не говори ничего, давай помолчим.

– Не буду молчать. Я тебя люблю, Катя!

Катя нервно смеётся.

– Ну и что? Ха-ха, Крис меня тоже любит. Все меня любят.

А мне что от этого?

– Как что, да я тебе всё!

– Успокойся, Лёша, я не для тебя. Ты ещё такой молодой, точно найдёшь себе хорошую, подходящую девушку, и тогда для неё уже всё что хочешь.

– Да я для тебя хочу. Не веришь? Ты мне не веришь. Так вот я тебе сейчас, – он смотрит по сторонам, – с неба звезду! Чтоб ты знала.

Лёха вскакивает со скамейки и бежит через проезжую часть к обелиску. Ищет хоть какую-то дыру в заборе, но там нет дыр. Тогда он снова бросается наперерез машинам и скрывается в подземном переходе. На беговых дорожках он чувствует себя увереннее. На старт! Внимание! Марш! К подвигу народа – готов!

Катя доедает вату, а Лёша уже добежал до венков из искусственного янтаря в зале с табличками, на которых выбиты наши имена. Где-то тут, Кузя показывал, есть выход. Здесь. На стройке никого, ни рабочих, ни реставраторов, ни сторожей, папа – и тот в РОВД. Лёша взбирается по лесам.

– Катя, смотри, – орёт он.

Он карабкается мимо барельефов, на которых высечены наши brave предки, наши папы и мамы, переодетые в военную форму, под чёрным флагом БССР.

Здесь ветер сильнее, он развеивает Лёхину модную призовую стрижку. Лёха залезает на самый верх, он уже у звезды, инкрустированной гигантскими бриллиантами из стекла. Он становится во весь рост на маленькой площадке у подножия звезды. Тут что-то написано. «Победа», – читает Лёха. Победааааа, кричит он во весь голос, мы победили. Слезы выступают у него на глазах. Он смотрит на Минск с высоты и неожиданно для себя начинает петь:

Верхом на звездеееееее

Вцепившись в лучишиши

С луной на поводкеееее

В ночишиши

– Митяй! – кривой мужичок тянет руку только что вошедшему Лёхе.

Лёха автоматически пожимает, а затем видит Шурика и папу, с радостью бросается к ним. Митяй обескуражен.

– И ты – сын? Яблочки от яблони.

Следователи вызвали в РОВД нашу маму, сказав, что Шурик во всём признался, теперь нужно привести всех подельников, нехорошо воровать музыкальные инструменты. Подельники: Вадим, Костя, Андрей, Женька и даже Дуба – по одному заходили в кабинет к следователям. Следователи были классические: хороший и плохой. Один угрожал, другой успокаивал, что всё не так страшно, признавайтесь скорее. Ну, стырили синтезатор, с кем не бывает? Ведь спёрли же, а? Подумаешь, пели после полуночи и мешали спать соседке в красном берете. Это же вы совершили мелкое хулиганство за гаражами «Подвига народов», а потом такое же хулиганство в парке Горького? Не отпирайтесь, у нас есть доказательства. Распивали спиртные напитки в общественных местах? Ездили на трамвае без билета? Курили тонкие сигареты? Катались зимой с горки? Они пачкали нам пальцы чернилами и отпускали в коридор, не получив внятных ответов.

Всё это торжество правосудия наблюдали Крис и его подруга Катя. Они ждали, что вернут машину, чтоб уехать в Брюссель, пожениться и создать сайт об обманщице Катсе.

А Катся тем временем парковалась неподалёку. Скоро она вернёт Крису ключи, раз приехала выручить Лёху. Она расскажет о Маевском и о том, что синтезатор, видимо, никто не крал.

Нас подержат чуть-чуть и отпустят. Останется только Митяй.

Тут нужно рассказать о судьбе героев. Стал ли Шурик музыкантом? Жив ли папа? Что делают Лёха с Дубой? Словом, всю эту давидкопперфилдовскую муть, в которой мне уже не охота копаться.

Так что пускай будет немножко неожиданно и быстро, будто не хватает одной главы.

Этой зимой я часто возвращаюсь домой на 18-м автобусе. Последний – отправляется с Восточной в 0 часов 43 минуты. Пока автобус перелезает спящих милиционеров, я рассматриваю темноту, разбавленную жёлтым светом фонарей, и думаю, что вот она и наступила – прекрасная настоящая жизнь, надо было чуть-чуть потерпеть. Это кажется, что она не прекрасная и не настоящая, тогда ведь тоже так казалось. А теперь – ну что ты – лучшие годы.

В автобусе только я да беспокойный пьяница. Он пытается пристроить пакет на соседнем сидении.

– Что же ты, сиди спокойно. Не дёргайся.

На площади Победы автобус выезжает на круг, наклоняется, и пакет падает на пол. Пьяница лезет под сидение и напевает:

– Вот, новый поворот...

2009–2019

* * *

На обложке размещена фотография из Белорусского государственного архива научно-технической документации. На фото – архитектор Георгий Заборский.